

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

24 июня 2025 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление “О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона”, проект которого обсуждался на заседании Пленума, состоявшемся 27 мая 2025 г. под председательством **И.Л. Подносовой** — Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

С докладом по этому вопросу выступил судья Верховного Суда Российской Федерации **Е.В. Рудаков**, который отметил, что отдельное постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященное применению статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, подготовлено впервые. Результаты обобщения судебной практики показали, что судами районного уровня ежегодно рассматриваются более двух тысяч ходатайств и представлений по вопросам, связанным с освобождением от наказания или с его смягчением в случае принятия уголовного закона, имеющего обратную силу, и при этом у судов возникают вопросы по применению закона, требующие разъяснений. Изложенное свидетельствует об актуальности и о востребованности подготовленного проекта постановления Пленума.

В основу проекта положены правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, учтены позиции Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, высказанные по конкретным делам, а также по вопросам, поступившим от судов.

При работе над проектом также были учтены ранее данные Пленумом Верховного Суда Российской Федерации разъяснения, которые содержатся в ряде постановлений, в том числе в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21 “О практике применения судами законодательства об исполнении приговора”.

Подготовка проекта осуществлялась с активным участием представителей Генеральной прокурату-

ры Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации и других заинтересованных ведомств, судей кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, региональных судов. В подготовке проекта также принимали участие ведущие ученые, являющиеся специалистами в области уголовного права и уголовного процесса.

Проект прошел все необходимые стадии разработки, обсуждался на совещаниях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, на заседании Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

Принятие обсуждаемого постановления Пленума имеет безусловную актуальность и значимость для правоприменительной практики.

В прениях по докладу выступили: **А.В. Кошечев** — председатель Кировского областного суда, **И.В. Ткачев** — заместитель Генерального прокурора Российской Федерации, **С.Л. Нудель** — заведующий центром уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

В работе Пленума приняли участие: **В.В. Федоров** — заместитель Министра юстиции Российской Федерации, **А.А. Клишас** — полномочный представитель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации, **Д.В. Бессарабов** — полномочный представитель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации, **М.Ю. Барщевский** — полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации, **Г.В. Минх** — полномочный представитель Президента Российской Федерации в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, **В.С. Груздев** — председатель Правления Ассоциации юристов России.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 10 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 24 июня 2025 г.

О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона

В связи с вопросами, возникающими у судов при применении положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона, и в целях обеспечения единства судебной практики Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет дать судам следующие разъяснения.

1. Обратить внимание судов на то, что по смыслу части 1 статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее также — УК РФ) имеющим обратную силу является уголовный закон, которым в нормы Общей и (или) Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации вносятся изменения, устраняющие преступность деяния, смягчающие наказание или иным образом улучшающие положение лиц, совершивших общественно опасные деяния до вступления такого закона в силу, и в связи с этим подлежащие обязательному применению по конкретным уголовным делам в отношении указанных лиц, включая отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость.

2. К устраняющим преступность деяния относятся такие изменения уголовного закона, которые исключают уголовную ответственность путем признания деяния не представляющим общественной опасности (вследствие признания соответствующей статьи или части статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации утратившими силу при отсутствии другой общей или специальной уголовно-правовой нормы, предусматривающей уголовную ответственность за это деяние; включения в статью Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации состава преступления с административной преюдицией и отнесения такого деяния, совершенного впервые, к административным правонарушениям; повышения возраста, с которого наступает уголовная ответственность за деяние; повышения нижней границы размера ущерба или дохода, а равно степени тяжести вреда здоровью, являющихся криминообразующими признаками деяния, и др.).

Судам следует иметь в виду, что устранение преступности деяния может осуществляться не только путем внесения соответствующих изменений в уголовный закон, но и путем отмены или изменения нормативных правовых актов иной отраслевой принадлежности, к которым

отсылают бланкетные нормы уголовного закона (например, вследствие повышения стоимости похищенного имущества, влекущего административную ответственность за мелкое хищение).

3. Смягчение наказания новым уголовным законом может быть выражено в изменении как санкции нормы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (снижаются нижний и (или) верхний пределы наказания, вводится менее строгий вид или исключается более строгий вид основного наказания, исключается обязательное дополнительное наказание и т.п.), так и норм Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, касающихся применения наказания.

С учетом этого смягчающим наказание может быть признан уголовный закон, которым, в частности:

изменяются в благоприятную для лица, совершившего общественно опасное деяние, сторону критерии для определения категории преступления либо основания и условия изменения судом категории преступления на менее тяжкую (статья 15 УК РФ), условия для признания рецидива преступлений опасным или особо опасным (статья 18 УК РФ);

установленное по делу обстоятельство включается в предусмотренный частью 1 статьи 61 УК РФ перечень смягчающих наказание обстоятельств;

исключается отягчающее наказание обстоятельство (статья 63 УК РФ);

вводятся более мягкие правила назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств (статья 62 УК РФ), при рецидиве преступлений (статья 68 УК РФ), по совокупности преступлений или совокупности приговоров (статьи 69, 70 УК РФ), исчисления сроков наказаний и зачета наказания (статья 72 УК РФ), применения условного осуждения (статья 73 УК РФ).

4. Иным образом улучшающим положение лица, совершившего общественно опасное деяние, признается уголовный закон, которым, например, в нормах Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации сокращаются сроки давности уголовного преследования (статья 78 УК РФ) или сроки погашения судимости (статья 86 УК РФ), в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации исключается квалифицирующий признак совершения преступления, повышаются установленные для квалифицированных составов преступлений размерные значения (ущерба, дохода, задолженности), в Общую или Особенную части

Уголовного кодекса Российской Федерации вводятся нормы, предусматривающие новые основания, в силу которых лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности или от наказания (например, статья 76¹, пункт 1 примечаний к статье 134, пункт 2 примечаний к статье 145¹, пункт 3 примечаний к статье 157 УК РФ).

5. Для правильного применения положений статьи 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона важное значение имеет точное установление времени совершения общественно опасного деяния, которым в соответствии с частью 2 статьи 9 УК РФ признается время (день) совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени (дня) наступления общественно опасных последствий.

Временем (днем) совершения уголовно наказуемого приготовления к преступлению или покушения на преступление признается день, когда виновным совершены действия (бездействие), направленные на умышленное создание условий для совершения преступления, либо умышленные действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

6. Судам необходимо иметь в виду, что положения статьи 10 УК РФ ограничивают распространение нового уголовного закона, которому придается обратная сила, моментом погашения или снятия судимости, поскольку с данного момента устраняются все правовые последствия, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, связанные с судимостью (часть 6 статьи 86 УК РФ).

С учетом этого по общему правилу пересмотр приговора по основаниям, предусмотренным статьей 10 УК РФ, возможен до погашения или снятия судимости. В отношении осужденных, отбывших наказание, положения статьи 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона применяются в части вопросов определения наличия судимости и сокращения срока ее погашения.

Вместе с тем в исключительных случаях допускается пересмотр приговора по основаниям, предусмотренным статьей 10 УК РФ, после погашения или снятия судимости, в частности когда данный приговор сохраняет значение для признания в действиях лица, совершившего новое преступление в течение срока погашения судимости, наличия рецидива преступлений и (или) определения его вида.

7. При разрешении вопроса о применении либо неприменении положений статьи 10 УК РФ судам следует не только исходить из самого факта принятия нового закона, но и учитывать, касаются ли лица предусмотренные данным законом изменения и в чем конкретно заключается улучшение его положения.

Например, если лицо было осуждено к лишению свободы за преступление, за которое также предусмотрено наказание в виде испра-

вительных работ, то при смягчении новым уголовным законом наказания в виде исправительных работ или другого вида наказания, которое осужденному не назначалось, такой уголовный закон не улучшает его положение, в связи с чем применению в отношении этого осужденного не подлежит.

Если действовавший во время совершения общественно опасного деяния уголовный закон в дальнейшем был изменен законом, смягчающим наказание или иным образом улучшающим положение лица, совершившего деяние, но ко времени рассмотрения соответствующего уголовного дела в суде вступил в силу новый уголовный закон, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение этого лица, применению подлежит указанный более мягкий уголовный закон.

8. Разъяснить судам, что если новый уголовный закон в одной своей части смягчает наказание или иным образом улучшает положение лица, совершившего общественно опасное деяние, и одновременно с этим в другой части усиливает наказание или иным образом ухудшает положение лица (например, повышает верхний предел наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией нормы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, и вместе с тем снижает нижний предел наказания или размер дополнительного наказания либо полностью исключает данный вид наказания из санкции нормы), то совершенное лицом деяние квалифицируется по уголовному закону в редакции, действовавшей на момент его совершения, но при этом подлежат применению все предусмотренные новым уголовным законом изменения, смягчающие наказание или иным образом улучшающие положение указанного лица.

9. В тех случаях, когда наказание осужденному было назначено по совокупности преступлений (часть 5 статьи 69 УК РФ) или по совокупности приговоров (статья 70 УК РФ), при пересмотре в порядке статьи 10 УК РФ предыдущих приговоров в отношении такого осужденного необходимо разрешить вопрос о наличии оснований для смягчения окончательного наказания, назначенного с применением указанных правил.

10. Если осужденному было назначено наказание с учетом требований статьи 64 УК РФ ниже низшего предела, предусмотренного санкцией соответствующей нормы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, а новым уголовным законом исключен нижний предел назначенного наказания, суд, применяющий такой новый закон на основании статьи 10 УК РФ и пришедший к выводу о необходимости назначения того же вида наказания, назначает его в меньшем размере без ссылки на статью 64 УК РФ, но не обязан назначать наказание в минимальных пределах, предусмотренных для данного вида наказания, или более мягкий вид наказания.

При этом принятия дополнительных решений об исключении из приговора указания на статью 64 УК РФ не требуется.

11. Уголовный закон, имеющий обратную силу, подлежит применению при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, проверке принятого решения в судах вышестоящих инстанций, разрешении в порядке исполнения приговора вопросов, указанных в статье 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), а также при пересмотре судебного решения в порядке возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

В тех случаях, когда новый уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, не применен судом при постановлении приговора либо при пересмотре приговора в апелляционном (статья 389²⁰ УПК РФ) или кассационном (статья 401¹⁴ УПК РФ) порядке, вопрос о его применении не может быть разрешен по правилам, установленным главой 47 УПК РФ. Такое судебное решение в связи с нарушением требований уголовного закона отменяется или изменяется судом вышестоящей инстанции по жалобам (представлению) сторон.

12. Если судом при рассмотрении уголовного дела будет установлено, что преступность деяния устранена уголовным законом, вступившим в силу после направления прокурором уголовного дела в суд, то с учетом требований части 1¹ статьи 239, части 2 статьи 254 УПК РФ о том, что прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному частью 2 статьи 24 УПК РФ, допускается только с согласия обвиняемого (подсудимого), суду необходимо разъяснить обвиняемому (подсудимому) юридические последствия принятия такого судебного решения и его право возражать против прекращения уголовного дела по данному основанию, а также обеспечить сторонам возможность высказать свою позицию по делу.

При отсутствии возражений обвиняемого (подсудимого) суд принимает решение о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному частью 2 статьи 24 УПК РФ.

В случае, когда обвиняемый (подсудимый) возражает против прекращения уголовного дела по указанному основанию, судебное разбирательство продолжается в обычном порядке с учетом ранее избранной формы судопроизводства. При этом суд, исходя из высказанной сторонами позиции по делу, должен исследовать приведенные ими доводы и представленные в подтверждение этих доводов доказательства, в том числе проверить, имело ли место деяние, квалифицировавшееся прежним уголовным законом как преступление, и обоснованно ли обвинение лица в его совершении. По смыслу закона (часть 3 статьи 97 УПК РФ)

избранная обвиняемому (подсудимому) мера пресечения в этом случае подлежит отмене.

По результатам судебного разбирательства, при отсутствии оснований для постановления оправдательного приговора или прекращения дела по реабилитирующим основаниям, суд выносит постановление о прекращении уголовного дела в соответствии с частью 2 статьи 24 УПК РФ.

Если преступность деяния устранена уголовным законом, вступившим в силу после провозглашения обвинительного приговора, который обжалован сторонами в апелляционном порядке, то суд апелляционной инстанции отменяет этот приговор и, при отсутствии оснований для постановления оправдательного приговора или прекращения дела по реабилитирующим основаниям, прекращает уголовное дело в соответствии с частью 2 статьи 24 УПК РФ.

13. Разъяснить судам, что в случаях, когда новый уголовный закон начал действовать после вступления приговора в законную силу, осужденный за деяние, преступность которого устранена этим законом, подлежит освобождению от отбывания наказания.

Такое решение может быть принято судом кассационной инстанции по результатам проверки вступившего в законную силу приговора, а если после начала действия нового уголовного закона приговор не пересматривался в кассационном порядке, то вопрос об освобождении осужденного от отбывания наказания вправе разрешить суд при приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом (пункт 13 статьи 397 УПК РФ).

Лицо, которое было освобождено судом от отбывания наказания в связи с принятием уголовного закона, устраняющего преступность деяния, считается несудимым за соответствующее деяние.

14. Обратить внимание судов на то, что согласно части 4 статьи 133 УПК РФ правила этой статьи, предусматривающие основания возникновения права на реабилитацию, не распространяются на лиц, в отношении которых обвинительный приговор пересмотрен ввиду принятия закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния, поскольку прекращение уголовного дела (освобождение от наказания) в таких случаях само по себе не является свидетельством незаконности или необоснованности уголовного преследования.

15. Рекомендовать судьям в ходе предварительной подготовки к судебному заседанию выяснять, рассматривались ли судами ранее ходатайства, представления о приведении данного приговора в соответствие с новым уголовным законом на основании пункта 13 статьи 397 УПК РФ.

В случае повторного обращения осужденного с ходатайством, когда по заявленному ранее аналогичному ходатайству или представлению судом уже вынесено постановление об отказе в его удовлетворении или приговор приве-

ден в соответствии с новым уголовным законом, такое ходатайство рассмотрению не подлежит и в его принятии должно быть отказано. Если указанное обстоятельство установлено в ходе рассмотрения судом ходатайства осужденного, то производство по такому ходатайству подлежит прекращению.

16. В соответствии со статьями 399 УПК РФ вопросы, связанные с освобождением от наказания или смягчением наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу (пункт 13 статьи 397 УПК РФ), могут быть рассмотрены судом по ходатайству осужденного, его законного представителя или адвоката, действующего по их поручению, а также по представлению учреждения или органа, исполняющего наказание. При этом суд, независимо от содержания ходатайства или представления, обязан учесть все вступившие в силу на момент их рассмотрения изменения уголовного закона, улучшающие положение осужденного.

17. Судам следует иметь в виду, что согласно части 3 статьи 396 УПК РФ вопросы, указанные в пункте 13 статьи 397 УПК РФ, разрешаются районным (городским) судом по месту нахождения учреждения или органа, исполняющего наказание, а также гарнизонным военным судом независимо от подсудности уголовного дела.

18. Решая вопрос об освобождении осужденного от наказания или о смягчении ему наказания, суд основывает постановление только на обстоятельствах, установленных вступившим в законную силу приговором суда, назначившего наказание, и не вправе оценивать правильность применения этим судом уголовного закона.

Если в ходе рассмотрения ходатайства или представления о приведении приговора в соответствие с действующим законодательством будет установлено, что новый уголовный закон не улучшает положение осужденного, то суд выносит постановление об отказе в удовлетворении такого ходатайства или представления.

Копия постановления суда, вынесенного по вопросам, указанным в пункте 13 статьи 397 УПК РФ, направляется как в учреждение или орган, на которые возложено исполнение наказания, так и в суд, постановивший приговор, для приобщения к материалам уголовного дела.

19. Исходя из положений статьи 63 УПК РФ участие в рассмотрении уголовного дела судьи, постановившего приговор, не препятствует в дальнейшем этому судье рассмотреть вопрос о приведении данного приговора в соответствие с новым уголовным законом.

20. Судебное решение, вынесенное по результатам рассмотрения ходатайства, представления о приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом, с учетом положений статей 389¹, 401, 401¹ и 412¹ УПК РФ может быть обжаловано в порядке, установленном главами 45¹, 47¹ и 48¹ УПК РФ, а также пересмотрено по новым и вновь открывшимся обстоятельствам по правилам главы 49 УПК РФ.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
И.Л. ПОДНОСОВА*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 16 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 24 июня 2025 г.

Об избрании члена Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации

Руководствуясь пунктом 6 части 3 статьи 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет:

Избрать членом Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации судью Верховного Суда Российской Федерации Воронова Александра Владимировича.

*Председатель Верховного Суда Российской Федерации
И.Л. ПОДНОСОВА*

*Секретарь Пленума, судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Если между содержанием договора страхования (страхового полиса) и правилами страхования, на основании которых заключен договор, имеются противоречия, то приоритет отдается тем условиям, которые индивидуально согласованы сторонами договора

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 14 мая 2024 г. № 19-КГ24-4-К5*

(Извлечение)

Б. обратилась в суд с иском к страховому акционерному обществу о взыскании страхового возмещения в размере 500 000 руб., неустойки, штрафа за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требований потребителя и компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что страховщик выдал ей страховой полис, подтверждающий заключение договора страхования на случай заболевания новой коронавирусной инфекцией (COVID-19), сроком действия с 10 сентября 2021 г. по 9 сентября 2022 г. В полисе указано, что он подтверждает заключение договора страхования в соответствии с особыми условиями — Приложением № 1 (далее — Особые условия), являющимися неотъемлемой частью договора страхования.

Согласно полису страховыми рисками по договору страхования являются: смерть застрахованного лица в период действия страхования в результате “COVID-19”, первичное диагностирование у застрахованного лица в период действия страхования “COVID-19”. Страховая сумма составляет 500 000 руб., страховая премия — 2400 руб.

Согласно выписке из медицинской карты амбулаторного больного Б. с 16 по 24 марта 2022 г. находилась на амбулаторном лечении и обследовании в лечебном учреждении с диагнозом: “Новая коронавирусная инфекция (подтвержденная лабораторно), ОРВИ верхних дыхательных путей”.

На заявление Б. о страховом возмещении страховщик сообщил, что заявленное событие не является страховым случаем в связи с тем, что отсутствуют сведения о тяжелом течении заболевания с развитием пневмонии с острой дыхательной недостаточностью, острого респираторного дистресс-синдрома, сепсиса, септического (инфекционно-токсического) шока.

Претензия истца с требованием признать заявленное событие страховым случаем, выплатить страховое возмещение и неустойку страховщиком добровольно не удовлетворена.

Не согласившись с отказом страховщика в выплате страхового возмещения, Б. обратилась к финансовому уполномоченному по правам потреби-

телей финансовых услуг, решением которого в удовлетворении ее требований также отказано.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из того, что заявленное истцом событие не соответствует признакам, указанным в Особых условиях, согласно которым страховым случаем является диагностированное врачом-специалистом у застрахованного лица в период действия страхования заболевание “COVID-19” с тяжелой формой течения: пневмонией с острой дыхательной недостаточностью; острым респираторным дистресс-синдромом; сепсисом; септическим (инфекционно-токсическим) шоком. Диагноз должен быть подтвержден на основании следующих проведенных исследований: клинического и биохимического исследования крови; иммунологических исследований; выявления инфекционных агентов; лучевой и инструментальной диагностики.

С выводами суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 14 мая 2024 г. признала, что судами были допущены существенные нарушения норм права, являющиеся основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке (ст. 390¹⁴ ГПК РФ).

В силу п. 1 ст. 934 ГК РФ по договору личного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию), уплачиваемую другой стороной (страхователем), выплатить единовременно или выплачивать периодически обусловленную договором сумму (страховую сумму) в случае причинения вреда жизни или здоровью самого страхователя или другого названного в договоре гражданина (застрахованного лица), достижения им определенного возраста или наступления в его жизни иного предусмотренного договором события (страхового случая).

Подпунктом 2 п. 2 ст. 942 ГК РФ предусмотрено, что при заключении договора личного страхования между страхователем и страховщиком должно быть достигнуто соглашение о характере события, на случай наступления которого осуществляется страхование (страхового случая).

В соответствии со ст. 9 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 “Об организации страхового дела в Российской Федерации” страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам (п. 2), а страховым риском является предполагаемое событие, на случай наступления которого проводится страхование (п. 1).

Пунктами 1 и 2 ст. 943 ГК РФ установлено, что условия, на которых заключается договор страхования, могут быть определены в стандартных правилах страхования соответствующего вида, принятых, одобренных или утвержденных страховщиком либо объединением страховщиков (правилах страхования).

Условия, содержащиеся в правилах страхования и не включенные в текст договора страхования (страхового полиса), обязательны для страхователя (выгодоприобретателя), если в договоре (страховом полисе) прямо указывается на применение таких правил и сами правила изложены в одном документе с договором (страховым полисом) или на его оборотной стороне либо приложены к нему. В последнем случае вручение страхователю при заключении договора правил страхования должно быть удостоверено записью в договоре.

При заключении договора страхования страхователь и страховщик могут договориться об изменении или исключении отдельных положений правил страхования и о дополнении правил (п. 3 ст. 943 ГК РФ).

Таким образом, при заключении договора страхования между его сторонами должно быть достигнуто соглашение о страховом случае, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату. Если между содержанием договора страхования (страхового полиса) и правилами страхования, на основании которых заключен договор, имеются противоречия, то приоритет отдается тем условиям, которые индивидуально согласованы сторонами договора.

При этом если условия страхования содержатся также в правилах страхования, которые не изложены в одном тексте с договором (страховым полисом) или на его оборотной стороне, то суду следует установить, были ли названные правила вручены страхователю.

При отсутствии отметки о вручении страхователю правил страхования, на которые содержится ссылка в договоре страхования, положения таких правил необязательны для страхователя.

Между тем указанные обстоятельства, имеющие юридическое значение для разрешения настоящего спора, в качестве таковых судами определены не были.

В частности, суд не учел, что договор страхования сторонами заключен путем выдачи страховщиком страхового полиса, в котором в качестве страховых случаев указаны смерть застрахованного лица в период действия страхования в результате “COVID-19” и первичное диагностирование у застрахованного лица в период действия страхования “COVID-19” без каких-либо дополнительных условий.

Сославшись на то, что, приняв полис страхования и уплатив страховую премию, истец подтвердил ознакомление с Особыми условиями и правилами страхования, а следовательно, выразил согласие на заключение договора страхования на указанных в них условиях, суд первой инстанции неправомочно возложил на страхователя бремя доказывания отсутствия факта ознакомле-

ния с Особыми условиями и вручения их истцу и не учел, что сама по себе уплата страховой премии не может служить подтверждением вручения страхователю отдельных приложений к договору страхования.

Кроме того, суд не применил приведенные выше положения п. 3 ст. 943 ГК РФ о возможности изменения сторонами при заключении договора страхования отдельных положений правил страхования, а также правила толкования договора, изложенные в ст. 431 ГК РФ, согласно которой при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Если правила, содержащиеся в ч. 1 данной статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписка, практика, установившаяся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.

В п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора” разъяснено, что при неясности условий договора и невозможности установить действительную общую волю сторон иным образом толкование условий договора осуществляется в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия. Пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной было лицо, профессионально осуществляющее деятельность в соответствующей сфере, требующей специальных познаний (например, банк по договору кредита, лизингодатель по договору лизинга, страховщик по договору страхования и т.п.).

С учетом приведенных выше норм права и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ суду первой инстанции надлежало оценить доводы истца о наличии противоречий между содержанием страхового полиса, в котором страховые риски указаны без каких-либо ограничений, и Особыми условиями, устанавливающими дополнительные признаки страховых случаев, установить, вручались ли эти правила страхования истцу, определить содержание договора страхования, а в случае неясности условий договора и невозможности установить действительную общую волю сторон дать толкование в соответствии с приведенными выше положениями закона и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ.

Судом первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, эти требования не выполнены.

Кассационный суд общей юрисдикции ошибки судов не исправил.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и определение кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

В случае согласования применения к повременным платежам правил о коммерческом кредите суд не вправе квалифицировать их в качестве условия об уплате неустойки

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10 октября 2024 г. № 310-ЭС24-9642

(Извлечение)

Между поставщиком и покупателем заключен договор поставки металлопродукции, оплата по которому осуществляется с отсрочкой 30 календарных дней с момента отгрузки товара со склада.

Условиями договора предусмотрено, что в случае поставки товара с отсрочкой платежа товар считается поставленным на условиях коммерческого кредита. При просрочке оплаты товара покупатель по требованию поставщика оплачивает ему пени (неустойку) из расчета 0,1% от стоимости неоплаченного в срок товара за каждый день просрочки, но не более 20% от стоимости неоплаченного в срок товара.

Покупатель нарушил установленный договором срок оплаты товара, вследствие чего поставщик произвел расчет процентов за пользование коммерческим кредитом и пени (неустойку) за просрочку оплаты товара.

Неисполнение покупателем предусмотренных договором обязательств послужило основанием для обращения поставщика в арбитражный суд с требованием о взыскании с покупателя задолженности, процентов за пользование коммерческим кредитом, пени (неустойку) за просрочку оплаты товара.

Решением суда первой инстанции требования поставщика удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда округа, решение суда первой инстанции отменено в части взыскания процентов за пользование коммерческим кредитом. Суды исходили из того, что сторонами договора не согласованы существенные условия коммерческого кредита, в связи с чем содержащееся в договоре условие фактически является соглашением сторон о неустойке.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 10 октября 2024 г. отменила постановления судов апелляционной инстанции и округа и оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Из содержания ст. 823 ГК РФ следует, что коммерческий кредит по своей правовой природе

является не санкцией по отношению к должнику, а одним из видов займа, а проценты, взимаемые за пользование коммерческим кредитом (в том числе суммами аванса, предварительной оплаты), являются платой за пользование денежными средствами.

Таким образом, коммерческий кредит представляет собой плату за использование денежных средств, полученных предварительно либо сохраняемых до наступления срока платежа после получения товара, и является в экономическом смысле платой за правомерные действия по использованию финансового или материального ресурса, позволяя цену сделки разделить на постоянную, указанную в фиксированной сумме, и переменную, рассчитываемую за период правомерного пользования товарами и денежными средствами.

В силу п. 2 ст. 1, ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

Стороны вправе, руководствуясь принципом свободы договора, обусловить возможность взимания с покупателя платы за предоставленный коммерческий кредит возникновением у него просрочки платежа, что не трансформирует проценты по коммерческому кредиту в меру ответственности.

Из буквального содержания договора следует, что обязанность покупателя по уплате процентов за пользование коммерческим кредитом поставлена в зависимость от согласования сторонами отсрочки платежа. При этом сторонами определена плата за пользование денежными средствами и отдельно указано на то, что данные проценты мерой ответственности не являются.

В данном случае содержание указанного условия договора не допускает неясности и двоякого толкования, с очевидностью свидетельствует о том, что сторонами согласована передача товара на условиях коммерческого кредита.

При такой ситуации, когда сторонами в рамках предоставленной им свободы договора согласовано условие об уплате определенных повременных платежей (исчисляемых в процентах) при несвоевременной оплате, к которым применимы правила о коммерческом кредите, суд не вправе квалифицировать их иным образом, так как это искажает волю сторон.

С учетом изложенного, поскольку стороны согласовали оплату товара с отсрочкой 30 календарных дней с момента отгрузки товара со склада поставщика, что на основании договора свидетельствует об осуществлении поставки на условиях коммерческого кредита, суд первой инстанции пришел к правомерному выводу о наличии у поставщика права рассчитывать на получение процентов за пользование денежными средствами (коммерческим кредитом) в размере, определенном с покупателем в договоре.

Пункт 8 Правил подтверждения документов об ученых степенях, ученых званиях, утвержденных постановлением Правительства РФ от 10 ноября 2023 г. № 1891, в той части, в которой он исключает возможность подачи заявителем лично в компетентный орган заявления и прилагаемых к нему документов и (или) сведений, перечисленных в пп. 4—6 указанных Правил, признан не действующим со дня вступления решения в законную силу

Решение Верховного Суда РФ от 24 декабря 2024 г. № АКПИ24-976, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 27 марта 2025 г. № АПЛ25-58

(Извлечение)

Постановлением Правительства РФ от 10 ноября 2023 г. № 1891 утверждены Правила подтверждения документов об ученых степенях, ученых званиях (далее также — Правила).

Пунктом 2 Правил установлено, что подтверждение документов об ученых степенях, ученых званиях осуществляется органами государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими переданные полномочия Российской Федерации по подтверждению документов об ученых степенях, ученых званиях (далее — компетентные органы) (абз. 1). Подтверждение документов об ученых степенях, ученых званиях осуществляется по заявлениям граждан о подтверждении документов об ученых степенях, ученых званиях (далее также — заявление), поданным в компетентный орган в письменной форме или в форме электронных документов с использованием федеральной государственной информационной системы “Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)” (далее также — единый портал) либо реестра апостилей, ведение которого осуществляется в порядке, установленном Федеральным законом от 28 ноября 2015 г. № 330-ФЗ “О проставлении апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации” (далее — реестр апостилей) (абз. 3).

Согласно п. 8 Правил заявление и прилагаемые к нему документы и (или) сведения, указанные в пп. 4—6 Правил, направляются заявителем в компетентный орган почтовым отправлением с уведомлением о вручении и описью вложения или посредством единого портала либо реестра апостилей.

Г. обратился в Верховный Суд РФ с административным иском о признании не действующим п. 8 Правил в той части, в которой он исключает возможность подачи заявления о подтверждении и прилагаемых к нему документов об ученых степенях, ученых званиях в компетентный орган на личном приеме, ссылаясь на его противоречие ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 13 Федерально-

го закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации”, а также положениям Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг” (далее — Федеральный закон об организации предоставления государственных и муниципальных услуг).

В обоснование требования административный истец указал, что обратился в компетентный орган с заявлением о подтверждении документа об ученой степени кандидата наук на личном приеме, однако в принятии заявления ему было отказано на основании п. 8 Правил, чем было нарушено его право на получение государственной услуги по подтверждению документов об ученой степени путем проставления апостиля в виде документа на бумажном носителе, гарантированное Федеральным законом от 28 ноября 2015 г. № 330-ФЗ “О проставлении апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации” (далее также — Федеральный закон о проставлении апостиля).

Верховный Суд РФ 24 декабря 2024 г. административное исковое заявление удовлетворил, указав следующее.

Оспариваемый нормативный правовой акт издан уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в пределах предоставленных ему законом полномочий, с соблюдением формы и порядка введения в действие.

Отношения, возникающие в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг соответственно федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также местными администрациями и иными органами местного самоуправления, осуществляющими исполнительно-распорядительные полномочия, регулирует Федеральный закон об организации предоставления государственных и муниципальных услуг.

Данным Федеральным законом к основным принципам предоставления государственных и муниципальных услуг отнесены: доступность обращения за предоставлением государственных и муниципальных услуг и предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе для лиц с ограниченными возможностями здоровья (п. 5 ст. 4), возможность получения по выбору заявителя государственных и муниципальных услуг в электронной форме, если это не запрещено законом, а также в иных формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в том числе и путем личного обращения заявителя в орган государственной власти или орган местного самоуправления (п. 3 ст. 2, п. 6 ст. 4, п. 5 ч. 1 ст. 5).

При получении государственных и муниципальных услуг заявители имеют право: на получение государственных и муниципальных услуг в электронной форме, если это не запрещено за-

коном, а также в иных формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации, по выбору заявителя, за исключением случая, если на основании федерального закона предоставление государственной или муниципальной услуги осуществляется исключительно в электронной форме; получение государственных и муниципальных услуг в многофункциональном центре в соответствии с соглашениями, заключенными между многофункциональным центром и органами, предоставляющими государственные услуги, и соглашениями, заключенными между многофункциональным центром и органами, предоставляющими муниципальные услуги, с момента вступления в силу соответствующего соглашения о взаимодействии (пп. 3, 5 ч. 1 ст. 5 Федерального закона об организации предоставления государственных и муниципальных услуг).

Органы, предоставляющие государственные услуги, и органы, предоставляющие муниципальные услуги, обязаны обеспечивать возможность получения заявителем государственной или муниципальной услуги в электронной форме, если это не запрещено законом, а также в иных формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации, по выбору заявителя, за исключением случая, если на основании федерального закона предоставление государственной или муниципальной услуги осуществляется исключительно в электронной форме (п. 2 ч. 1 ст. 6 Федерального закона об организации предоставления государственных и муниципальных услуг).

Заявители в целях получения государственных и муниципальных услуг обращаются в орган, предоставляющий государственные услуги, орган, предоставляющий муниципальные услуги, непосредственно или через многофункциональный центр. В электронной форме государственные и муниципальные услуги предоставляются способами, предусмотренными ч. 2 ст. 19 Федерального закона об организации предоставления государственных и муниципальных услуг, с использованием единого портала, региональных порталов государственных и муниципальных услуг, официальных сайтов указанных органов в соответствии с нормативными правовыми актами, устанавливающими порядок предоставления государственных и муниципальных услуг. Организация предоставления государственных и муниципальных услуг в ходе личного приема в органе, предоставляющем государственную услугу, органе, предоставляющем муниципальную услугу, может не осуществляться при согласовании с высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации в случае, если предоставление таких услуг организовано в многофункциональном центре (чч. 1¹, 1⁸ ст. 7 Федерального закона об организации предоставления государственных и муниципальных услуг).

Из приведенных норм Федерального закона следует, что заявители в целях получения соот-

ветствующих услуг вправе обратиться в орган, предоставляющий соответствующие услуги в электронной форме, непосредственно, в том числе посредством личного приема или через многофункциональный центр, за исключением случая, если на основании федерального закона предоставление государственной или муниципальной услуги осуществляется исключительно в электронной форме.

Согласно п. 2 Правил результатом подтверждения документов об ученых степенях, ученых званиях является проставление на них или на отдельных листах, скрепляемых с этими документами, апостиля и (или) проставление апостиля в электронном виде путем создания электронной версии апостиля с двухмерным штриховым кодом и внесения компетентным органом соответствующей записи в реестр апостилей.

Пунктом 2 ст. 6³ Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ “О науке и государственной научно-технической политике” (далее — Федеральный закон о науке и государственной научно-технической политике) установлено, что подтверждение документов об ученых степенях, ученых званиях путем проставления на них апостиля осуществляется по заявлениям граждан, поданным в письменной форме или в форме электронных документов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети “Интернет”, включая единый портал.

Отношения, возникающие в связи с проставлением апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации, регулирует Федеральный закон о проставлении апостиля. Этот же Закон устанавливает правовые и организационные основы и общие правила проставления апостиля в Российской Федерации.

В силу ч. 2 ст. 4 названного Федерального закона порядок проставления апостиля компетентными органами устанавливается нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в том числе административными регламентами предоставления государственных услуг в сфере проставления апостиля, принятыми в соответствии с законодательством Российской Федерации, регулирующим предоставление государственных услуг.

Частью 1¹ ст. 4 Федерального закона о проставлении апостиля закреплено, что Правительством РФ могут быть установлены особенности обращения с запросом о проставлении апостиля, проставления апостиля и направления запросов, предусмотренных ст. 9 этого Федерального закона, в электронном виде и (или) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, ведения реестра апостилей в электронном виде, обеспечения дистанционного доступа к сведениям о проставленных апостилях.

Постановлением Правительства РФ от 20 марта 2021 г. № 436 утверждено Положение об осо-

бенностях обращения с запросом о проставлении апостиля, проставления апостиля и направления запросов, предусмотренных ст. 9 Федерального закона “О проставлении апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации”, в электронном виде и (или) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, ведения реестра апостилей в электронном виде, обеспечения дистанционного доступа к сведениям о проставленных апостилях (далее — Положение).

Как следует из п. 2 Положения, запросы о проставлении апостиля в электронном виде на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации, могут направляться в соответствии с нормативными правовыми актами компетентных органов, уполномоченных на проставление апостиля в Российской Федерации, в том числе через федеральную государственную информационную систему “Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)”, с учетом требований к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг, утвержденных постановлением Правительства РФ от 26 марта 2016 г. № 236.

Проставление апостиля в электронном виде не исключает возможности выдачи заявителю в соответствии с его запросом апостиля в виде документа на бумажном носителе (п. 4 Положения).

Из приведенных нормативных правовых положений, регулирующих непосредственно отношения, связанные с предоставлением услуги подтверждения документов об ученых степенях, ученых званиях, усматривается, что заявление о предоставлении услуги может быть подано заявителем как в письменной форме, так и в форме электронных документов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети “Интернет”, включая единый портал.

Закрепив право заявителя на подачу заявления в письменной форме, законодатель не обусловил его подачей только посредством почтового отправления. Не предусмотрено им ограничения по предоставлению услуги исключительно в электронной форме.

Установленное в п. 8 Правил требование о подаче заявления в компетентный орган только посредством почтового отправления или единого портала либо реестра апостилей без возможности подачи заявления непосредственно заявителем на личном приеме противоречит приведенным нормам закона.

Гарантированное гражданам Федеральным законом об организации предоставления государственных и муниципальных услуг по их выбору право на получение государственных и муниципальных услуг как в электронной, так и в иных формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в том числе и путем личного обращения в орган государственной власти или орган местного самоуправления (п. 3 ч. 1 ст. 5 названного Федерального закона), направ-

лено на обеспечение выполнения органами государственной власти, органами местного самоуправления своих обязанностей, связанных с предоставлением гражданам государственных (муниципальных) услуг, на защиту прав и интересов лиц, нуждающихся в получении государственных (муниципальных) услуг, и в системе действующего правового регулирования предусматривает выбор получателем государственных и муниципальных услуг способа их предоставления.

При изложенных обстоятельствах Верховный Суд РФ признал п. 8 Правил подтверждения документов об ученых степенях, ученых званиях, утвержденных постановлением Правительства РФ от 10 ноября 2023 г. № 1891, не действующим со дня вступления решения в законную силу в той части, в которой он исключает возможность подачи заявителем лично в компетентный орган заявления и прилагаемых к нему документов и (или) сведений, перечисленных в пп. 4—6 указанных Правил.

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Если виновный создает организацию исключительно для хищения денежных средств потерпевших путем обмана и злоупотребления их доверием и в целях придания видимости ее законной деятельности, наделяя себя мнимыми организационно-распорядительными и административно-хозяйственными полномочиями, его действия не могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 159 УК РФ как мошенничество с использованием своего служебного положения

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 марта 2023 г. № 44-УД23-4-К7

(Извлечение)

По приговору Ленинского районного суда г. Перми от 10 сентября 2021 г. (с учетом изменений, внесенных апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 14 декабря 2021 г.) Т., несудимый, осужден по ч. 3 ст. 159 УК РФ (три преступления) (в отношении потерпевших Г., К., С., Б., Н.), ч. 3 ст. 159 УК РФ (в отношении потерпевшего Д.).

По данному делу осуждена также В.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22 июня 2022 г. приговор и апелляционное определение в отношении Т. оставлены без изменения.

В кассационной жалобе осужденный Т. оспаривал состоявшиеся судебные решения, считая их незаконными, необоснованными, несправедливыми и подлежащими отмене ввиду существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального законов; указывал, помимо прочего, что квалифицирующие признаки преступлений “группой лиц по предварительному сговору”

и “с использованием служебного положения” не нашли своего подтверждения в материалах уголовного дела.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 16 марта 2023 г. кассационную жалобу удовлетворила, отметив следующее.

Судом установлено, что Т., имея умысел на хищение денежных средств потерпевших путем обмана и злоупотребления доверием, с целью создания видимости осуществления законной предпринимательской деятельности в сфере оказания туристических услуг, приискал помещение под офис, подготовил документы для регистрации ООО “ГК Победа”, разместил рекламу; осужденная по данному делу В. зарегистрировала указанное общество, в котором являлась учредителем и генеральным директором, а Т. — коммерческим директором. Осужденные открыли расчетный счет, заключили договор страхования, а также приискали теплоход “Мулланур Вахитов”, который не был пригоден к плаванию, создав тем самым условия для совершения преступлений. После этого Т. совместно с В. были похищены денежные средства потерпевших Г., К., С., Б., Н. путем продажи им туристических путевок в круизы на несуществующем теплоходе “Победа”, а потерпевшему Д. была продана туристическая путевка на остров Шри-Ланка, которая в действительности не была забронирована и оплачена. Похищенными у потерпевших денежными средствами осужденные распорядились по своему усмотрению, причинив им значительный материальный ущерб.

Указанные действия осужденного Т. квалифицированы судом по ч. 3 ст. 159 УК РФ как мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, с причинением значительного ущерба потерпевшим, лицом с использованием своего служебного положения.

При этом вывод о наличии оснований для квалификации действий осужденного по признаку совершения мошенничества с использованием своего служебного положения суд мотивировал тем, что Т., являясь коммерческим директором ООО “ГК Победа”, выполнял организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, принимал решения, имеющие юридическое значение и влекущие определенные юридические последствия, а именно: заключал различные договоры, принимал на работу сотрудников, осуществлял руководство организацией, давал распоряжения и указания сотрудникам, обладал полномочиями по распоряжению денежными средствами, поступающими на расчетный счет ООО “ГК Победа”.

Между тем согласно разъяснениям, содержащимся в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 “О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате”, под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ), следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, госу-

дарственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для совершения хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации).

В соответствии с п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, за исключением организаций, указанных в п. 1 примечаний к ст. 285 данного Кодекса, либо в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа либо члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, или лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях.

Установив в действиях Т. квалифицирующий признак мошенничества, совершенного лицом с использованием своего служебного положения, суд не принял во внимание, что полномочия Т. были мнимыми, поскольку ООО “ГК Победа” было создано Т. с целью хищения денежных средств потерпевших путем обмана и злоупотребления их доверием, т.е. деятельность осужденного, связанная с организацией работы общества, являлась способом совершения преступлений и изначально планировалась им как незаконная.

При установленных судом обстоятельствах совершения Т. преступлений вывод суда о том, что его действия могут быть расценены как осуществление им своих служебных полномочий, является несостоятельным.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор Ленинского районного суда г. Перми от 10 сентября 2021 г. и последующие судебные решения в отношении Т. изменила, переквалифицировала его действия по каждому из четырех преступлений с ч. 3 ст. 159 УК РФ на ч. 2 ст. 159 УК РФ.

2. Наличие противоречий между интересами обвиняемых, защиту которых осуществляет один адвокат (признание обвинения одним и оспаривание другим по одним и тем же эпизодам дела, изблечение одним обвиняемым другого и т.п.), является обстоятельством, исключающим участие этого адвоката в производстве по уголовному делу

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 27 апреля 2023 г. № 19-УД23-8-А3*

(Извлечение)

По приговору Ставропольского краевого суда от 29 апреля 2022 г. А. и Д. осуждены по ч. 2 ст. 159, ч. 3 ст. 162 УК РФ.

По данному делу также осужден Р.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 15 августа 2022 г. приговор оставлен без изменения в части квалификации деяний.

А. и Д. признаны виновными в хищении денежных средств потерпевшей группой лиц по предварительному сговору путем обмана и в разбойном нападении, совершенном с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище.

В кассационных жалобах адвокаты в защиту интересов осужденных А. и Д. просили об отмене состоявшихся судебных решений ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 27 апреля 2023 г. отменила апелляционное определение в отношении А. и Д. и передала уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с ч. 6 ст. 49 УПК РФ одно и то же лицо не может быть защитником двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ защитник не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им подозреваемого, обвиняемого либо представляемого им потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 “О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве”, при наличии любого из обстоятельств, указанных в ст. 72 УПК РФ, участие защитника исключается во всех стадиях уголовного судопроизводства. Если между интересами обвиняемых, защиту которых осуществляет один адвокат, выявятся противоречия (признание обвинения одним и оспаривание другим по одним и тем же эпизодам дела; изобличение одним обвиняемым другого и т.п.), то такой адвокат подлежит отводу (п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”, п. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Эти требования закона не были учтены судебной коллегией по уголовным делам Третьего апелляционного суда общей юрисдикции.

Как следует из материалов дела, защиту осужденных Д., А. и Р. в суде первой инстанции осуществляли адвокаты К.А., К.Н. и С. соответственно.

Кроме адвокатов и осужденных на приговор в интересах Д. и А. апелляционную жалобу подал также адвокат Г., с которым было заключено со-

глашение на участие в суде апелляционной инстанции.

В судебном заседании суда апелляционной инстанции принимали участие осужденные Д., А. и Р. посредством видео-конференц-связи, назначенный в порядке ст. 51 УПК РФ защитник Р. — адвокат А.Н. и защитник осужденных Д. и А. по соглашению адвокат Г.

Между тем адвокат Г. был допущен к участию в заседании апелляционного суда общей юрисдикции без учета обстоятельств, препятствовавших его участию в производстве по делу.

В судебном заседании суда первой инстанции А. не признал себя виновным в мошенничестве и разбойном нападении, утверждал, что не принимал участия в совершении данных преступлений.

В апелляционных жалобах осужденный А. изложил такую же позицию, в защиту А. адвокат К.Н. утверждала, что осужденный Д. оговаривал А.

Из приговора следует, что в обоснование виновности А. суд сослался на показания Д., данные им в судебном заседании и в ходе предварительного следствия, изобличающие А. в причастности к совершению преступлений.

Изложенное свидетельствует о наличии существенных противоречий в позиции осужденных А. и Д. по отношению к предъявленному обвинению, что не позволяло адвокату осуществлять эффективную защиту одновременно обоих осужденных.

Данные обстоятельства, исключавшие возможность осуществления адвокатом Г. защиты интересов осужденных А. и Д., судебной коллегией по уголовным делам Третьего апелляционного суда общей юрисдикции не были учтены, адвокат Г. допущен к участию в судебном заседании в качестве защитника А. и Д. Таким образом, право осужденных на защиту нарушено¹.

3. Суд кассационной инстанции не учел, что судом апелляционной инстанции не вносились в приговор изменения в части применения к осужденной положений ст. 82 УК РФ, в связи с чем сделал необоснованный вывод о том, что вопрос о применении к осужденной указанных положений остался неразрешенным

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 3-УДП22-15-КЗ

(Извлечение)

По приговору Княжпогостского районного суда Республики Коми от 5 июня 2019 г. П. осуждена к лишению свободы: по ч. 4 ст. 160 УК РФ (по эпизоду хищения денежных средств) на три года со штрафом в размере 500 000 руб.; по ч. 4 ст. 160 УК РФ (по эпизоду хищения техники)

¹При рассмотрении уголовного дела по апелляционным жалобам осужденных А. и Д. в Третьем апелляционном суде общей юрисдикции 11 июня 2024 г. защиту интересов осужденных А. и Д. осуществляли адвокаты Б. и М. соответственно.

на три года со штрафом в размере 300 000 руб.; по пп. “а”, “б” ч. 2 ст. 174¹ УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ) на один год со штрафом в размере 100 000 руб. (освобождена от наказания в связи с истечением срока давности уголовного преследования). В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний П. назначено окончательное наказание в виде четырех лет лишения свободы. На основании ч. 1 ст. 82 УК РФ отбывание наказания П. отсрочено до достижения ее ребенком четырнадцатилетнего возраста.

По этому же уголовному делу осужден В.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Коми от 3 декабря 2019 г. приговор изменен: П. в связи с истечением сроков давности уголовного преследования освобождена от наказания, назначенного по ч. 4 ст. 160 УК РФ (по эпизоду хищения техники) и по пп. “а”, “б” ч. 2 ст. 174¹ УК РФ, исключено указание о назначении П. наказания по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ. В приговор внесены и иные изменения, не связанные с квалификацией деяний и применением положений ст. 82 УК РФ.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2022 г. апелляционное определение отменено, уголовное дело передано на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд иным составом суда.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Коми от 7 июля 2022 г. приговор изменен: П. в связи с истечением сроков давности уголовного преследования освобождена от наказания, назначенного по пп. “а”, “б” ч. 2 ст. 174¹ УК РФ, ч. 4 ст. 160 УК РФ (по эпизоду хищения техники) и по ч. 4 ст. 160 УК РФ (по эпизоду хищения денежных средств); исключены указания о назначении П. наказания по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ и применении ч. 1 ст. 82 УК РФ. Также в приговор внесены и иные изменения, не связанные с квалификацией деяний.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ выражал несогласие с кассационным определением от 3 марта 2022 г. и просил его отменить. Он утверждал, что суд кассационной инстанции необоснованно отменил апелляционное определение от 3 декабря 2019 г. и передал уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 15 декабря 2022 г. признала обоснованными доводы кассационного представления прокурора, указав следующее.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 “О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции”, круг оснований для отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке ввиду неправильного применения уголовного закона и (или)

существенного нарушения уголовно-процессуального закона, в отличие от производства в суде апелляционной инстанции, ограничен лишь такими нарушениями, которые повлияли на исход уголовного дела, в частности на вывод о виновности, на юридическую оценку содеянного, назначение судом наказания или применение иных мер уголовно-правового характера и на решение по гражданскому иску.

Как усматривается из материалов уголовного дела, суд кассационной инстанции пришел к выводу о том, что такое существенное нарушение уголовно-процессуального закона было допущено судом апелляционной инстанции при рассмотрении уголовного дела в отношении осужденной П.

При этом суд кассационной инстанции исходил из того, что судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Коми, исключив из приговора указание о назначении П. наказания по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ, фактически не рассмотрела вопрос об отсрочке в порядке ст. 82 УК РФ отбывания наказания, назначенного по ч. 4 ст. 160 УК РФ (по эпизоду хищения денежных средств).

Между тем суд кассационной инстанции не учел, что какие-либо изменения судом апелляционной инстанции 3 декабря 2019 г. в приговор в части применения к П. положений ст. 82 УК РФ не вносились, вывод районного суда о применении отсрочки исполнения наказания суд апелляционной инстанции признал правильным и отклонил соответствующие доводы апелляционного представления прокурора, настаивавшего на реальном отбывании П. наказания. Из резолютивной части апелляционного определения от 3 декабря 2019 г. в отношении П. не усматривалось, что вопрос о применении ст. 82 УК РФ остался неразрешенным.

Других оснований для отмены апелляционного определения судом кассационной инстанции в решении не приведено.

Допущенное судом кассационной инстанции нарушение уголовно-процессуального закона является существенным, повлиявшим на исход дела, поскольку повлекло отмену апелляционного определения в отношении П. и ее последующее освобождение от наказания, что не способствует достижению целей наказания.

Каких-либо препятствий, предусмотренных ст. 401⁶ УПК РФ, для пересмотра дела судом кассационной инстанции не имеется, поскольку годичный срок, в течение которого возможен поворот к худшему в положении осужденной, не истек.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление суда кассационной инстанции и последующее апелляционное определение в отношении П. и передала уголовное дело на новое кассационное рассмотрение¹.

¹ Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 марта 2023 г. приговор от 5 июня 2019 г. и апелляционное определение от 3 декабря 2019 г. в отношении П. оставлены без изменения.

Изучение участником незаконного вооруженного формирования иностранного языка и религиозной литературы при отсутствии признаков прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности охватывается ст. 208 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ст. 205³ УК РФ

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 25 февраля 2025 г. № 223-УД25-4-Аб*

(Извлечение)

По приговору Центрального окружного военного суда от 27 декабря 2023 г., оставленному без изменения апелляционным определением апелляционного военного суда от 24 июня 2024 г., Ш. осуждена помимо прочего по ч. 2 ст. 208 УК РФ (в ред. Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ) за участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Органами предварительного следствия Ш. также было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 205³ УК РФ, а именно в прохождении в период с 17 августа 2013 г. до ноября 2015 г. в г. Ракке Сирийской Арабской Республики обучения и специальной подготовки по изучению шариатских наук и арабского языка для последующего осуществления террористической деятельности.

Обстоятельства, установленные по делу, свидетельствуют, что Ш., вступив в состав незаконного вооруженного формирования и осознавая свою принадлежность к нему, выполняла возложенные на нее функциональные обязанности по обеспечению деятельности формирования, оказывая бытовые услуги и помощь боевикам.

Для того, чтобы освоить мусульманские правила прочтения Корана, совершения религиозных обрядов и поведения мусульманской женщины, Ш. изучала арабский язык и соответствующие печатные издания.

Таким образом, изучение специализированной религиозной литературы осуществлялось виновной в рамках участия в незаконном вооруженном формировании, что охватывается ст. 208 УК РФ и дополнительной квалификации не требует.

Суд первой инстанции с учетом мнения государственного обвинителя исключил как излишне вмененное обвинение Ш. в совершении преступления, предусмотренного ст. 205³ УК РФ, исходя из того, что использование виновным при подготовке или совершении конкретного преступления террористической направленности самостоятельно полученной в том числе в сети “Интернет” информации, например о способе изготовления орудия преступления, может представлять собой лишь умышленное создание условий для совершения этого преступления или признак объективной стороны состава такого преступления, что не требует дополнительной квалификации по ст. 205³ УК РФ.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 25 февраля 2025 г. приговор и апелляционное определение в отношении Ш. оставила без изменения.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Суд кассационной инстанции обоснованно признал нарушением требований ст. 47 УПК РФ отказ в удовлетворении ходатайства осужденного о направлении ему для ознакомления копий всех частей протокола судебного заседания

*Постановление судебной коллегии
по уголовным делам*

*Третьего кассационного суда общей юрисдикции
от 18 января 2024 г.*

(Извлечение)

По приговору Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга от 13 апреля 2018 г. Г. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ (за совершение четырех преступлений).

Г. обратился в суд с ходатайством о направлении в его адрес копий протоколов судебного заседания (всех его частей).

Постановлением Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга от 4 февраля 2021 г. в удовлетворении ходатайства Г. отказано.

Судом апелляционной инстанции постановление суда оставлено без изменения.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 29 ноября 2023 г. кассационная жалоба осужденного Г. передана для рассмотрения в Третий кассационный суд общей юрисдикции.

В кассационной жалобе Г. просил об отмене судебных решений и направлении его ходатайства на новое рассмотрение, поскольку суд необоснованно отказал в удовлетворении его ходатайства о выдаче копий протоколов судебного заседания по уголовному делу.

Судебная коллегия по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции 18 января 2024 г. кассационную жалобу осужденного Г. удовлетворила по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела и выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств.

По смыслу закона такими же правами наделен и осужденный.

Из материалов уголовного дела усматривается, что 17 декабря 2020 г. осужденным Г. было заявлено ходатайство о выдаче ему в соответствии с ч. 8 ст. 259 УПК РФ копии протокола судебного заседания (всех его частей). В обоснование ходатайства осужденным указано, что копия протокола судебного заседания необходима ему для обжалования приговора.

Как видно из постановления суда первой инстанции, отказывая в удовлетворении ходатайства осужденного, суд сослался на требования ч. 7 ст. 259 УПК РФ, согласно которой ходатайство об ознакомлении с протоколом судебного заседания подается сторонами в письменном виде в течение 3 суток со дня окончания судебного заседания, а также на то, что Г. до постановления приговора суда находился под подпиской о невыезде и надлежащем поведении, был ознакомлен со всеми предусмотренными законодательством процессуальными документами путем фотосъемки, в том числе с протоколами судебного заседания, что подтверждается его расписками.

Отказ суда в удовлетворении ходатайства Г. нельзя признать законным и обоснованным с учетом того, что Г. после постановления приговора были направлены копии протоколов лишь четырех судебных заседаний (от 26 декабря 2017 г., от 6, 20 и 28 марта 2018 г.), а с остальными протоколами судебных заседаний он был ознакомлен в период судебного разбирательства дела более двух лет назад, в том числе с применением фотосъемки, вопрос о возможности использования результатов которой у осужденного в условиях отбывания им наказания в исправительном учреждении суд не выяснял.

Суд апелляционной инстанции надлежащей оценки доводам апелляционной жалобы осужденного не дал. Указание суда второй инстанции о том, что повторное вручение копии протокола судебного заседания уголовно-процессуальным законом не предусмотрено, противоречит исследованным материалам дела, согласно которым в полном объеме копия протокола (всех его частей) Г. не направлялась, а вывод суда об отсутствии препятствий для подачи осужденным кассационной или надзорной жалобы на приговор без приложения в ее обоснование копии протокола судебного заседания сделан без учета положений ч. 5 ст. 4014 УПК РФ.

При таких обстоятельствах судебная коллегия по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции отменила постановление суда первой инстанции и апелляционное постановление, материалы дела с ходатайством осужденного Г. о выдаче копии протокола судебного заседания (всех его частей) передала на новое рассмотрение в суд первой инстанции¹.

¹По постановлению Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга от 15 апреля 2024 г. удовлетворено ходатайство осужденного Г. о вручении ему копии протокола судебного заседания (всех его частей) по уголовному делу.

2. Суд, удовлетворяя требования реабилитированного о возмещении ему имущественного вреда, не учел, что в этом случае возмещению подлежит только тот заработок (заработная плата, пенсия, пособие, другие средства), которого он лишился в результате незаконного уголовного преследования

Постановление судебной коллегии по уголовным делам

Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 29 мая 2023 г.

(Извлечение)

По постановлению Советского районного суда г. Владикавказа Республики Северная Осетия — Алания от 18 февраля 2022 г. заявление В. о возмещении имущественного вреда в виде утраченного заработка удовлетворено, с Минфина России за счет казны Российской Федерации в пользу В. взыскано 464 203 руб.

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Северная Осетия — Алания от 1 июня 2022 г. постановление суда первой инстанции оставлено без изменения.

В кассационной жалобе представитель Минфина России выражал несогласие с выводами суда о наличии причинно-следственной связи между незаконным уголовным преследованием и неполучением В. заработной платы, просил отменить судебные решения и передать материал на новое судебное рассмотрение.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 17 апреля 2023 г. кассационная жалоба представителя Минфина России с материалами дела передана для рассмотрения в Пятый кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции 29 мая 2023 г., проверив судебный материал, обсудив доводы кассационной жалобы, пришла к следующим выводам.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, имеет право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 135 УПК РФ возмещение реабилитированному имущественного вреда включает в себя возмещение заработной платы, пенсии, пособия, других средств, которых он лишился в результате уголовного преследования.

Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 “О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве” суд, рассматривающий требования реабилитированного о возмещении вреда или восстановлении его в правах в порядке главы 18 УПК РФ, вправе удовлетворить их или отказать в их удовлетворении полностью либо частично в зависимости от доказанности указанных требований пред-

ставленными сторонами и собранными судом доказательствами.

Перечисленные требования закона судом не были учтены.

Как установлено судом, В. (на момент возбуждения и расследования уголовного дела — Г.¹) обвинялся органами предварительного расследования в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, ч. 4 ст. 159 УК РФ. 13 февраля 2016 г. В. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

Уголовное преследование в отношении В. по ч. 4 ст. 159 УК РФ было прекращено 12 февраля 2018 г. на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ за его непричастностью к совершению преступления.

Суд первой инстанции, удовлетворяя требования В. о возмещении имущественного вреда в виде утраченного заработка, сослался на положения гражданского законодательства, признал наличие причинно-следственной связи между привлечением В. к уголовной ответственности и наступившим вредом и пришел к выводу о том, что привлечение В. к уголовной ответственности и избранная в отношении его мера пресечения в виде домашнего ареста, а также весь период незаконного уголовного преследования, являлись препятствием для трудоустройства В.

Определяя сумму утраченного заработка, подлежащую взысканию в пользу В., суд исходил из того, что заявителем представлен правильный расчет среднемесячной заработной платы по виду экономической деятельности “Деятельность в области права” в сумме 19 241,80 руб., поскольку он имеет диплом бакалавра по специальности “Юриспруденция”.

Однако из материалов дела видно, что до возбуждения уголовного дела В. нигде не работал; при этом каких-либо сведений о том, что в результате незаконного уголовного преследования он утратил заработную плату, не имеется. Также в материале отсутствуют данные о конкретных мерах, принятых В. для трудоустройства после отмены в отношении его меры пресечения в виде домашнего ареста, общая продолжительность которого составила три месяца двадцать семь суток.

В. в заявлении указал, что в 2014 году окончил Современную гуманитарную академию в г. Москве по специальности “Юриспруденция” и собирался заниматься деятельностью в области права.

В ходе судебных заседаний В. пояснил, что на момент привлечения к уголовной ответственности он не работал, ранее работал по другим специальностям, собирался работать юристом.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и оставил постановление суда без изменения.

Между тем изложенные выше юридически значимые обстоятельства при рассмотрении вопроса о возмещении вреда судами оставлены без внимания.

При таких данных постановления судов первой и апелляционной инстанций нельзя признать законными и обоснованными.

На основании изложенного судебная коллегия по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции отменила постановление суда первой инстанции и апелляционное постановление в отношении В. и передала материал на новое судебное рассмотрение².

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ, СВЯЗАННОЙ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В целях обеспечения правильного применения судами общей юрисдикции и арбитражными судами норм материального и процессуального права при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением антимонопольного законодательства, по результатам изучения и обобщения судебной практики Верховным Судом РФ на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” определены следующие правовые позиции.

Вопросы квалификации административных правонарушений

1. Несоблюдение организацией нормативно установленного срока осуществления мероприятий по технологическому присоединению энергопринимающих устройств потребителя влечет административную ответственность, предусмотренную ст. 9.21 КоАП РФ.

Антимонопольный орган по результатам рассмотрения обращения потребителя (далее также — заказчик) установил, что сетевой организацией допущено

нарушение требований п. 16 Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям (далее также — Правила), утвержденных постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861, выразившееся в несоблюдении срока исполнения договора об осуществлении технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителя.

Частью 2 ст. 9.21 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность, в частности, за повторное нарушение субъектом естественной монополии правил (порядка обеспечения) недискриминационного доступа или установленного порядка подклю-

¹20 ноября 2020 г. Г. переименовал фамилию на В.

²По постановлению Советского районного суда г. Владикавказ Республики Северная Осетия — Алания от 18 октября 2024 г. отказано в удовлетворении заявления о взыскании с Минфина России за счет казны Российской Федерации в пользу В. материального ущерба в виде утраченного заработка. Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Северная Осетия — Алания от 6 марта 2025 г. постановление суда оставлено без изменения.

чения (технологического присоединения) к электрическим сетям, нарушение собственником или иным законным владельцем объекта электросетевого хозяйства правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии.

Усмотрев в действиях сетевой организации состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 9.21 КоАП РФ, антимонопольный орган принял постановление о привлечении организации к административной ответственности.

Сетевая организация обратилась в суд с заявлением о признании постановления незаконным, поскольку срок выполнения мероприятий по технологическому присоединению не пропущен в связи с его продлением путем заключения сторонами дополнительного соглашения к договору. Продление срока исполнения договора не было связано с просрочкой исполнения обязательств заказчиком.

Суд первой инстанции удовлетворил заявленные требования и отменил постановление антимонопольного органа о привлечении организации к административной ответственности, указывая на отсутствие пропуска срока технологического присоединения потребителя в связи с его продлением дополнительным соглашением сторон.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и указал на наличие нарушений в действиях (бездействии) сетевой организации.

В соответствии с п. 4 ст. 421, п. 1 ст. 422 ГК РФ договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивными нормами), действующими в момент его заключения.

Предусмотренный сторонами договора срок подключения может быть продлен, но не должен превышать срока, императивно установленного в п. 16 Правил. Такой подход реализован в правовом регулировании в связи с тем, что в отношениях с сетевой организацией — субъектом естественной монополии заявитель выступает потребителем услуг. Закрепленные законодателем порядок и сроки осуществления технологического присоединения вносят правовую определенность в отношения сторон, указывающую, что необходимые технологические мероприятия будут выполнены к соответствующему сроку, а право потребителя реализовано.

Несоблюдение установленного в Правилах срока влечет административную ответственность сетевой организации, предусмотренную соответствующей частью ст. 9.21 КоАП РФ, за исключением случаев, когда срок подключения был пропущен не по ее вине.

2. Уклонение от переоформления (восстановления) документов о технологическом присоединении жилого дома к электрическим сетям может являться основанием для привлечения должностного лица субъекта естественной монополии к административной ответственности по ч. 1 ст. 9.21 КоАП РФ.

Постановлением антимонопольного органа, составленным без изменения решениями судов, должностное лицо субъекта естественной монополии (далее — общество) признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 9.21 КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию.

В жалобе, поданной в суд кассационной инстанции, должностное лицо общества просило вступившие в законную силу акты отменить, производство

по делу об административном правонарушении прекратить в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

Суд кассационной инстанции, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы, оставил в силе состоявшиеся по делу акты.

Частью 1 ст. 9.21 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за нарушение субъектом естественной монополии правил (порядка обеспечения) недискриминационного доступа или установленного порядка подключения (технологического присоединения) к магистральным нефтепроводам и (или) магистральным нефтепродуктопроводам, электрическим сетям, тепловым сетям, газораспределительным сетям или централизованным системам горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и водоотведения, либо нарушение собственником или иным законным владельцем объекта электросетевого хозяйства правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии, либо препятствование собственником или иным законным владельцем водопроводных и (или) канализационных сетей транспортировке воды по их водопроводным сетям и (или) транспортировке сточных вод по их канализационным сетям.

Разделом VIII Правил определен порядок восстановления и переоформления документов о технологическом присоединении (пп. 57—80).

Восстановление указанных документов осуществляется на основании обращения в сетевую организацию потребителя электрической энергии, собственника или иного законного владельца объектов электросетевого хозяйства с соответствующим заявлением (п. 59 Правил), к которому приобщаются документы согласно перечню, установленному в п. 62 Правил.

Сроки рассмотрения заявления потребителя предусмотрены пп. 70—72 Правил.

Общество, являясь субъектом естественной монополии, включено в реестр субъектов естественных монополий в топливно-энергетическом комплексе.

Гражданин неоднократно обращался в общество с заявлением о переоформлении (восстановлении) документов о технологическом присоединении объекта недвижимости, который ранее был присоединен к сетям в предусмотренном законом порядке. Ответы на обращения гражданина обществом в установленные сроки не направлялись.

Указанные обстоятельства, свидетельствующие об уклонении от переоформления (восстановления) документов о технологическом присоединении жилого дома и о нарушении требований Правил, послужили законным основанием для привлечения должностного лица общества к административной ответственности по ч. 1 ст. 9.21 КоАП РФ.

При этом было учтено, что в силу п. 5 Правил в случае если энергопринимающие устройства потребителя электрической энергии присоединены к электрическим сетям сетевой организации через энергетические установки производителей электрической энергии, объекты электросетевого хозяйства лиц, не оказывающих услуги по передаче электрической энергии, или бесхозяйные объекты электросетевого хозяйства, которые имеют непосредственное присоединение к сетям сетевых организаций, такой потребитель заключает договор с той сетевой организацией, к сетям которой присоединены энер-

гетические установки производителей электрической энергии, бесхозяйные объекты электросетевого хозяйства или энергопринимающие устройства (объекты электросетевого хозяйства) лиц, не оказывающих услуги по передаче электрической энергии, к которым непосредственно присоединено его энергопринимающее устройство.

Следовательно, то обстоятельство, что энергопринимающее устройство гражданина присоединено к электрическим сетям общества через высоковольтную линию электропередачи, владелец которой не установлен, не могло служить основанием для освобождения общества от обязанности восстановить (переоформить) документы, подтверждающие технологическое присоединение, что позволило бы потребителю заключить договор электроснабжения.

3. Выдача органом местного самоуправления муниципальному бюджетному учреждению муниципального задания на выполнение собственными силами работ в сфере дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог местного значения без проведения конкурсных процедур может привести к ограничению конкуренции на рынках выполнения указанных работ, в связи с чем образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.9 КоАП РФ.

Постановлением антимонопольного органа, оставленным без изменения решениями судов, глава администрации района городского округа (далее — должностное лицо) признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.9 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

В жалобе, поданной в кассационный суд, должностное лицо просило отменить состоявшиеся в отношении его акты, ссылаясь на их незаконность.

Частью 1 ст. 14.9 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за действия (бездействие) должностных лиц федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных осуществляющих функции указанных лиц органов или организаций, государственных внебюджетных фондов, а также организаций, участвующих в предоставлении государственных или муниципальных услуг, которые недопустимы в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации и приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, а равно к ограничению свободного перемещения товаров (работ, услуг), свободы экономической деятельности, за исключением случаев, предусмотренных ч. 7 ст. 14.32 КоАП РФ.

Статьей 15 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции” (далее также — Закон о защите конкуренции, Закон) установлен запрет для федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных осуществляющих функции указанных органов или организаций, организаций, участвующих в предоставлении государственных или муниципальных услуг, а также государственных внебюджетных фондов, Банка России принимать акты и (или) осуществлять действия (бездействие), которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции (ч. 1). Достаточным основанием для вывода о нарушении одним из названных субъектов требований ч. 1 ст. 15 Закона о

защите конкуренции и применения ч. 1 ст. 14.9 КоАП РФ является в том числе возможность наступления последствий в виде недопущения, ограничения либо устранения конкуренции в результате принятия им соответствующего акта.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” (далее — Закон об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации) дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах муниципального, городского округа и обеспечение безопасности дорожного движения на них, а также осуществление иных полномочий в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации относятся к вопросам местного значения муниципального, городского округа.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 17 Закона об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации в целях решения вопросов местного значения органы местного самоуправления поселений, муниципальных районов, муниципальных округов, городских округов, городских округов с внутригородским делением и внутригородских районов обладают полномочиями по созданию муниципальных предприятий и учреждений, осуществлению финансового обеспечения деятельности муниципальных казенных учреждений и финансового обеспечения выполнения муниципального задания бюджетными и автономными муниципальными учреждениями, а также осуществлению закупок товаров, работ, услуг для обеспечения муниципальных нужд.

Вместе с тем положениями главы 3 Закона об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации, содержащей перечень вопросов местного значения, не предусмотрено, что в целях решения вопросов местного значения могут быть созданы муниципальные учреждения, обладающие специальными полномочиями при осуществлении деятельности в отношении автомобильных дорог.

В силу ч. 1 ст. 72 БК РФ закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд осуществляются в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд с учетом положений этого Кодекса.

Следовательно, ремонт и содержание автомобильных дорог местного значения относятся к сфере муниципальных нужд и должны осуществляться организациями, выбранными путем проведения конкурентных процедур, предусмотренных Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” (далее также — Закон о контрактной системе).

Согласно материалам дела основанием для привлечения должностного лица к административной ответственности послужили изложенные в обжалуемых актах выводы о том, что администрацией района городского округа сформировано, утверждено и выдано муниципальное задание бюджетному учреждению на 2020 год и плановый период 2021 и

2022 годов на выполнение собственными силами работ по ремонту автомобильных дорог, не закрепленных за ним на праве оперативного управления. При этом привлечение учреждения, учредителем которого является городской округ в лице администрации городского округа, к выполнению работ по муниципальному заданию осуществлено без проведения торгов.

Антимонопольным органом в рамках процедуры рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства, предусмотренной главой 9 Закона о защите конкуренции, был подготовлен аналитический отчет по результатам проведения анализа состояния конкуренции на рынке по ремонту, содержанию автомобильных дорог, принято решение о наличии признаков деяний, которые могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции.

В частности, было установлено, что на территории субъекта Российской Федерации названный вид деятельности осуществляют 250 хозяйствующих субъектов.

Антимонопольным органом также были представлены документы, подтверждающие реализацию потребности администрации района городского округа в выполнении работ по ремонту и содержанию автомобильных дорог посредством проведения конкурсных процедур.

С учетом этого антимонопольный орган пришел к выводу, что дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах городского округа должна осуществляться с учетом положений Закона о контрактной системе. Установленные муниципальным заданием спорные виды работ могли быть выполнены иными хозяйствующими субъектами независимо от форм собственности. Действующее законодательство каких-либо специальных требований к указанным работам не содержит, равно как и требований к субъектам, которые их производят.

Между тем администрацией района городского округа не было совершено действий по приведению муниципального задания (муниципальных заданий) в соответствие с нормами действующего законодательства.

Таким образом, в действиях администрации района городского округа было выявлено нарушение ч. 1 ст. 15 Закона о защите конкуренции, выразившееся в наделении бюджетного учреждения правом выполнения работ без проведения торгов, что могло привести к ограничению конкуренции на конкурентных рынках выполнения работ, оказания услуг по капитальному ремонту, ремонту, содержанию автомобильных дорог общего пользования.

С учетом изложенного кассационный суд согласился с тем, что вывод антимонопольного органа и судебных инстанций о наличии в бездействии должностного лица состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.9 КоАП РФ, основывался на фактических обстоятельствах дела и имеющихся доказательствах.

4. Неправомерное составление сетевой организацией акта безучетного потребления электрической энергии само по себе не свидетельствует о злоупотреблении организацией своим доминирующим положением на товарном рынке и не влечет ответственность, предусмотренную ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ.

Общество (далее также — сетевая организация) обратилось в суд с заявлением о признании неза-

конным постановления антимонопольного органа о привлечении его к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ, в связи со злоупотреблением доминирующим положением на рынке оказания услуг по передаче электрической энергии, выразившимся в несоблюдении требований к порядку составления акта о неучтенном потреблении электрической энергии. Нарушение состояло в составлении указанного акта в отсутствие потребителя (его уполномоченного представителя).

Суд первой инстанции удовлетворил заявленные требования, указав следующее.

Частью 2 ст. 14.31 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за совершение занимающим доминирующее положение на товарном рынке хозяйствующим субъектом (далее также — доминант) действий, признаваемых злоупотреблением доминирующим положением и недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, если результатом таких действий является или может являться недопущение, ограничение или устранение конкуренции либо совершение субъектом естественной монополии действий, признаваемых злоупотреблением доминирующим положением и недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных ст. 9.21 КоАП РФ.

Антимонопольному органу в целях установления нарушения антимонопольных требований необходимо доказать, что деяние заявителя имеет антиконкурентную направленность, подпадает под сферу регулирования Закона о защите конкуренции и требует принятия мер антимонопольного контроля.

При выявлении указанной направленности следует учитывать разъяснения, содержащиеся в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2 “О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства” (далее также — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2), согласно которым нарушение хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение на рынке, требований гражданского и иного законодательства при вступлении в договорные отношения, исполнении договорных обязательств, в том числе выражающееся в недобросовестном поведении, нарушающем права контрагентов, само по себе не свидетельствует о ведении хозяйствующим субъектом монополистической деятельности, запрещенной согласно ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции. При возникновении спора о том, имеет ли место злоупотребление доминирующим положением, следует принимать во внимание, являлось ли возможным совершение хозяйствующим субъектом определенных действий (бездействия), в том числе недобросовестных, по отношению к своим контрагентам (потребителям) в отсутствие доминирующего положения на рынке.

В рассматриваемом случае составленный сетевой организацией акт безучетного потребления электроэнергии не свидетельствует о направленности действий общества на сохранение либо укрепление своего положения на товарном рынке с использованием запрещенных методов, об ущемлении интересов неопределенного круга потребителей.

Полномочия антимонопольного органа при применении ст. 10 Закона о защите конкуренции состоят в пресечении монополистической деятель-

ности — выявлении нарушений, обусловленных использованием лицом своего доминирующего положения на рынке, а не в разрешении гражданских споров в административном порядке путем осуществления контроля за соблюдением хозяйствующими субъектами требований гражданского законодательства и иных отраслевых нормативных правовых актов.

С учетом изложенного, а также при отсутствии доказательств, подтверждающих факт злоупотребления сетевой организацией своим доминирующим положением, постановление о привлечении сетевой организации к административной ответственности признано судом незаконным.

Суд апелляционной инстанции согласился с этими выводами.

5. Действия управляющей организации, связанные с ограничением в доступе операторов связи к общему имуществу дома, могут быть признаны нарушением антимонопольных запретов и образовывать состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ.

Заявители (жильцы многоквартирного дома) обратились в антимонопольную службу с жалобой на действия управляющей организации, которая препятствует доступу операторов связи к общему домовому имуществу для размещения оборудования и предоставления жителям услуг высокоскоростного подключения к сети “Интернет”.

Антимонопольный орган принял постановление о привлечении управляющей организации к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ за злоупотребление своим доминирующим положением.

Суды первой и апелляционной инстанций признали законным принятое антимонопольным органом постановление.

Как следовало из материалов дела, организация, управляющая 7 многоквартирными домами из 19 существующих в сельском поселении и входившая в одну группу лиц со строительной компанией и оператором связи, признана антимонопольным органом занимающей доминирующее положение на товарном рынке по управлению многоквартирными домами с долей, превышающей 35% от его общего размера.

Строительная компания при возведении указанных 7 домов, образующих единый жилой комплекс, обеспечила наличие в доме только одного аффилированного с ней оператора связи — члена группы лиц.

Жильцами многоквартирных домов на общем собрании было принято решение о доступе в многоквартирные дома всех операторов связи, с которыми жильцы (жители) заключили договоры оказания услуг предоставления высокоскоростного Интернета, с возможным безвозмездного размещения в доме необходимого оборудования. Указанное решение жильцов было обусловлено низкой конкуренцией операторов связи, предоставляющих данные услуги на территории сельского поселения (на товарном рынке насчитывалось всего четыре таких оператора связи), потребностью жильцов дома в новых поставщиках услуг.

Управляющая организация, ограничившая в интересах указанного аффилированного с ней оператора связи доступ иных операторов к общему имуществу дома, признана антимонопольным органом злоупотребившей своим доминирующим положением

на рынке предоставления услуг по управлению многоквартирными домами, поскольку оказала негативное воздействие на конкуренцию и ущемила интересы неопределенного круга потребителей (жителей).

Таким образом, поскольку антимонопольный орган установил у субъекта ответственности наличие доминирующего положения на товарном рынке и злоупотребление данным положением, оспариваемое постановление признано законным и обоснованным.

6. Установление антимонопольным органом доминирующего положения в отношении только одного из участников коллектива хозяйствующих субъектов является необоснованным при условии сохранения между ними конкуренции, а поведение такого участника не образует состав административного правонарушения, предусмотренного соответствующей частью ст. 14.31 КоАП РФ.

Общество обратилось в суд с заявлением о признании незаконным постановления антимонопольного органа о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.31 КоАП РФ в связи со злоупотреблением доминирующим положением на рынке оказания услуг по приему и переводу платежей в пользу ресурсоснабжающих организаций, выразившимся в установлении экономически необоснованных цен на предоставляемую услугу.

В обоснование заявленных требований общество указало на ошибочность вывода о возможности признания его действий злоупотреблением доминирующим положением. Доминирующее положение общества на товарном рынке было установлено по критериям, предусмотренным в ч. 3 ст. 5 Закона о защите конкуренции, в рамках коллектива хозяйствующих субъектов (далее также — коллективное доминирование), которые только в совокупности могут оказывать решающее влияние на условия обращения товара на товарном рынке. При этом противоправные действия были выявлены только у общества — одного из членов коллективного доминирования. Размер его доли на товарном рынке не позволял единолично без участия других участников коллективного доминирования устанавливать для контрагентов на рынке нерыночные условия.

Антимонопольный орган, оценивая поведение только одного хозяйствующего субъекта из группы доминирующих, но продолжающих конкурировать между собой, необоснованно пришел к выводу о злоупотреблении обществом доминирующим положением.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленных требований, указав, что ч. 3 ст. 5 Закона о защите конкуренции признает доминирующим на рынке положение каждого отдельного хозяйствующего субъекта, входящего в число коллективно доминирующих на рынке, и, соответственно, на его деятельность распространяются запреты, предусмотренные ст. 10 Закона о защите конкуренции. Закон не содержит дополнительных требований по установлению причастности к выявленному правонарушению всех членов коллективного доминирования для вывода о наличии нарушения у одного из таких членов.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и признал постановление антимонопольного органа незаконным в связи со следующим.

Согласно ч. 1 ст. 5 Закона о защите конкуренции одной из существенных характеристик доминирующей

шего положения лица (членов коллективного доминирования) является возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке. Возможность оказывать такое влияние может иметь место у одного хозяйствующего субъекта (ч. 1 ст. 5 Закона) или у коллектива хозяйствующих субъектов по критериям, предусмотренным ч. 3 ст. 5 Закона.

При выявлении состава административного правонарушения, предусмотренного соответствующей частью ст. 14.31 КоАП РФ, в предмет доказывания наличия злоупотребления хозяйствующим субъектом своим доминирующим положением в рамках коллектива входят вопросы соотношения действий члена коллективного доминирования и поведения всех остальных его членов, обусловленного «совокупным влиянием всех субъектов коллективного доминирования на условия обращения товара на товарном рынке» (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2), с целью выявления наличия или отсутствия факта совместного поведения (совместного злоупотребления доминирующим положением).

Отсутствие такой совместной модели поведения свидетельствует о фактическом сохранении конкурентных отношений между субъектами коллективного доминирования и лишает возможности любого из таких хозяйствующих субъектов индивидуально оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке, и (или) устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам, т.е. занимать доминирующее положение, и, следовательно, исключает возможность квалификации его поведения как поведения субъекта нарушения антимонопольного законодательства и административного правонарушения.

Таким образом, поведение одного из участников коллективного доминирования при сохранении конкуренции между ними не может быть признано нарушением антимонопольного законодательства.

В ходе рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства, равно как и дела об административном правонарушении, оценка действий (поведения) иных участников коллективного доминирования антимонопольным органом не осуществлялась. Доказательств, указывающих, например, на отказ членов коллективного доминирования от конкурентного поведения, наличие у них согласованной воли, антимонопольным органом не представлено.

С учетом изложенного постановление антимонопольного органа о привлечении общества к административной ответственности за злоупотребление своим доминирующим положением по ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ признано незаконным и отменено.

7. При оценке наличия злоупотребления в поведении доминирующего на рынке субъекта, подлежащего квалификации по соответствующей части ст. 14.31 КоАП РФ, суд учитывает законные интересы этого субъекта, которые вправе преследовать любой участник рынка вне зависимости от его положения на товарном рынке, и принимает во внимание обязанность по соблюдению им нормативно установленных требований к ведению профессиональной деятельности.

Пример 1. Постановлением антимонопольного органа общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.31

КоАП РФ за нарушение требований п. 3 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции, выразившееся в злоупотреблении доминирующим положением на рынке оказания услуг в сфере железнодорожных перевозок.

Общество обратилось в суд с заявлением о признании указанного постановления незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Судами установлено, что поводом к возбуждению дела о нарушении антимонопольного законодательства послужило решение антимонопольного органа по жалобе контрагента на действия общества по навязыванию невыгодных договорных условий, предъявляющих особые требования к весу перевозимого товара (нагрузка на одно перевозочное место не должна превышать 500 кг), его размещению и креплению в багажных вагонах пассажирского поезда.

Технические условия размещения и крепления грузобагажа с указанными весовыми характеристиками в багажных вагонах для перевозки в пассажирском поезде нормативно-техническими документами не установлены.

В связи с указанным суды сочли, что к рассматриваемым правоотношениям по аналогии подлежат применению нормы, содержащиеся в Технических условиях размещения и крепления грузов в вагонах и контейнерах (утверждены МПС России 27 мая 2003 г. № ЦМ-943), регулирующие сходные отношения по перевозке грузов и согласующиеся с предлагаемыми доминантом договорными условиями.

Применительно к условиям, направленным на ограничение веса перевозимых предметов (до 500 кг), общество обоснованно руководствовалось п. 1.6 главы 11 указанных Технических условий, который предъявляет особые требования к нагрузке на пол вагона при перевозке штучных грузов массой 500 кг и более.

Контрагент общества намеревался осуществлять перевозку грузов весом 3000 кг на одно перевозочное место в вагонах, входящих в состав пассажирских поездов, что значительно превышает указанные параметры и несет угрозу безопасности перевозимых граждан, влияет на возможность сверхнормативного перекоса кузова, возникновения иных неисправностей в процессе движения.

По мнению судов, подавая заявление в антимонопольный орган, контрагент общества, по сути, стремился уклониться от исполнения возложенных правилами перевозок, иными нормативными актами обязанностей и понудить общество осуществлять в пассажирских поездах перевозки предметов, которые должны перевозиться грузовыми поездами.

В связи с изложенным установленные договором условия признаны не противоречащими действующему законодательству, технологически обоснованными и направленными на соблюдение правил безопасности движения на железнодорожном транспорте, что исключало наличие в действиях общества признаков нарушения антимонопольного законодательства и состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.31 КоАП РФ.

Пример 2. Антимонопольный орган привлек общество к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.31 КоАП РФ за злоупотребление своим доминирующим положением в форме навязывания контрагенту невыгодных договорных условий, вы-

разившегося в направлении протокола разногласий с предложением о внесении контрагентом аванса в размере 90% от стоимости оказываемых обществом услуг.

По мнению антимонопольного органа, сам по себе факт направления доминантом протокола разногласий образует нарушение антимонопольных правил в форме навязывания невыгодных договорных условий (п. 3 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции). В свою очередь, условие по авансированию в размере 90% от стоимости оказываемых обществом услуг является дополнительным обстоятельством, указывающим на наличие нарушения.

Суд, оценивая законность принятых антимонопольным органом актов, отметил, что само по себе направление доминантом своему контрагенту протокола разногласий и, в частности, предложения по внесению авансового платежа не является злоупотреблением доминирующим положением, поскольку такие субъекты, как и прочие субъекты, вправе вести переговоры и предлагать экономически эффективные для них договорные условия (п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2).

При оценке наличия нарушения подлежат исследованию содержание предлагаемых доминантом договорных условий и причины отказа в принятии условий контрагента.

Так, например, ссылки общества на невозможность согласовать предлагаемые контрагентом договорные условия в связи с необходимостью внесения изменений в его локальные нормативные акты, не могут быть приняты во внимание при оценке наличия нарушения, поскольку закрепление запретов, ограничений на уровне локальных нормативных актов общества не меняет их противоправную, нарушающую требования антимонопольного законодательства природу.

Оценивая действия доминанта с учетом критериев, содержащихся в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2, суд согласился с выводом антимонопольного органа о наличии в них нарушения в форме навязывания контрагенту невыгодных договорных условий, предусматривающих внесение аванса в размере 90% от стоимости оказываемых услуг. Судом учитывалось, что предлагаемые условия не соответствовали обычной хозяйственной практике при среднерыночной цене оказываемых услуг. Размер предлагаемого к внесению аванса не был обусловлен высокой себестоимостью реализуемой услуги, которая в среднем составляла около 40% от цены, указываемой в договоре. По мнению суда, отсутствовали иные сопоставимые по выгодности договорные условия, позволяющие взамен предложить контрагенту рассматриваемое условие об авансировании. Общество не привело достаточных доказательств, опровергающих указанные доводы антимонопольного органа и подтверждающих допустимость, разумность предлагаемых условий в отсутствие у него доминирующего положения на товарном рынке.

Ссылки общества (доминанта) на наличие данного условия в ранее заключаемых с контрагентом договорах сами по себе не свидетельствуют об отсутствии нарушения и подлежат оценке с учетом действующих в момент возникновения спора обстоятельств, условий хозяйствования на товарном рынке.

С учетом изложенного суд признал законным оспариваемое постановление антимонопольного органа.

8. В случаях злоупотребления хозяйствующим субъектом своим доминирующим положением путем нарушения установленного порядка ценообразования этот субъект подлежит привлечению к административной ответственности по ст. 14.31 КоАП РФ.

Общество (поставщик электроэнергии) обратилось в суд с требованием об отмене постановления антимонопольного органа о привлечении к административной ответственности по ст. 14.31 КоАП РФ за злоупотребление хозяйствующим субъектом своим доминирующим положением в связи с ненадлежащей квалификацией совершенных им деяний.

По мнению общества, его действия подлежат квалификации по ст. 14.6 КоАП РФ, поскольку она предусматривает ответственность за нарушение порядка ценообразования. При этом поводом для привлечения поставщика электроэнергии к административной ответственности являлся факт не применения в отношении потребителей, проживающих в домах, оборудованных стационарными электроплитами для приготовления пищи и (или) электроотопительными установками, тарифа с понижающим коэффициентом 0,7.

Суд первой инстанции удовлетворил заявленные требования и отменил решение антимонопольного органа, сославшись на следующее.

Частью 1 ст. 14.6 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за завышение регулируемых государством цен (тарифов, расценок, ставок и т.п.) на продукцию, товары либо услуги, предельных цен (тарифов, расценок, ставок, платы и т.п.), завышение установленных надбавок (наценок) к ценам (тарифам, расценкам, ставкам и т.п.), по табачным изделиям или никотинсодержащей продукции завышение максимальной розничной цены, указанной производителем на каждой потребительской упаковке (пачке).

Поскольку действия общества посягают на общественные отношения, складывающиеся в сфере предпринимательской деятельности по поводу продажи (поставки) отдельной продукции или товаров, оказания отдельных видов услуг, цены (тарифы) на которые подлежат государственному регулированию, то они образуют состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.6 КоАП РФ.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и оставил оспариваемое постановление антимонопольного органа в силе.

В качестве нарушения, квалифицируемого по п. 10 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции, ответственность за которое предусмотрена ст. 14.31 КоАП РФ, следует рассматривать действия (бездействие) хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение на товарном рынке, выразившиеся в занижении (завышении) регулируемых государством цен (тарифов, расценок, ставок и т.п.), в том числе их предельных уровней, и (или) в самостоятельном определении (без обращения в установленном порядке в регулирующий орган) таких цен (тарифов, расценок, ставок, надбавок и т.п.), которые привели или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции и (или) ущемлению интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской

деятельности либо неопределенного круга потребителей.

Статья 14.31 КоАП РФ направлена на охрану конкурентных отношений между хозяйствующими субъектами, интересов неопределенного круга лиц и предусматривает специальный субъектный состав лиц, привлекаемых к административной ответственности, — организаций, занимающих на товарном рынке доминирующее положение. В свою очередь, ст. 14.6 КоАП РФ направлена на охрану общественных отношений, связанных с корректным применением тарифного регулирования.

Статьи 14.6 и 14.31 КоАП РФ направлены на охрану различных общественных отношений и предусматривают различный субъектный состав.

В ходе рассмотрения дела судом было установлено, что общество занимает на товарном рынке доминирующее положение, реализовывало продукцию по завышенному тарифу, что привело к ущемлению интересов неопределенного круга потребителей.

Таким образом, действия сетевой организации повлекли нарушение запрета, предусмотренного п. 10 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции, в связи с чем образуют состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.31 КоАП РФ, а не ст. 14.6 КоАП РФ.

9. Для квалификации действий хозяйствующего субъекта, не являющегося субъектом естественной монополии, по ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ антимонопольному органу необходимо доказать наличие или возможность возникновения негативных последствий в виде недопущения, ограничения или устранения конкуренции в результате совершения указанным субъектом действий, признаваемых злоупотреблением доминирующим положением.

Общество обратилось в суд с заявлением о признании незаконным постановления антимонопольного органа о привлечении к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ за нарушение запретов на установление, поддержание монопольно высокой цены товара, предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции.

Соглашаясь с наличием выявленного нарушения, общество ссылалось на недоказанность антимонопольным органом негативных последствий от совершенного нарушения в виде недопущения, ограничения или устранения конкуренции, являющихся элементом состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ. По мнению общества, его действия подлежат квалификации по ч. 1 ст. 14.31 КоАП РФ с назначением фиксированного, а не оборотного административного штрафа, рассчитываемого от суммы выручки (расходов) правонарушителя (далее также — оборотный штраф).

Суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, удовлетворил заявленные обществом требования.

Часть 1 ст. 14.31 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за совершение занимающим доминирующее положение на товарном рынке хозяйствующим субъектом, за исключением субъекта естественной монополии, действий, признаваемых злоупотреблением доминирующим положением и недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, если такие действия приводят или могут привести к ущемлению интересов других лиц и при этом результатом таких действий не является и не

может являться недопущение, ограничение или устранение конкуренции, за исключением случаев, предусмотренных ст. 9.21 КоАП РФ.

В свою очередь, ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за совершение занимающим доминирующее положение на товарном рынке хозяйствующим субъектом действий, признаваемых злоупотреблением доминирующим положением и недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, если результатом таких действий является или может являться недопущение, ограничение или устранение конкуренции либо совершение субъектом естественной монополии действий, признаваемых злоупотреблением доминирующим положением и недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных ст. 9.21 КоАП РФ.

Таким образом, наличие или возможность возникновения негативных последствий в виде недопущения, ограничения или устранения конкуренции и последствия в виде ущемления интересов других лиц имеют определяющее значение при квалификации правонарушений, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 14.31 КоАП РФ. Для правильной квалификации правонарушения необходимо установить, к каким последствиям приводят или могут привести действия (бездействие), признаваемые злоупотреблением доминирующим положением, в чем выразилось недопущение, ограничение, устранение конкуренции либо ущемление интересов других лиц.

Обязанность доказывания обстоятельств, послуживших основанием для привлечения юридического лица к административной ответственности, возлагается на административный орган, принявший оспариваемое решение (ч. 4 ст. 210 АПК РФ).

В рассматриваемом случае решение по делу о нарушении антимонопольного законодательства (далее — решение комиссии антимонопольного органа, решение комиссии), принятое комиссией по рассмотрению дел о нарушении антимонопольного законодательства (далее — комиссия антимонопольного органа, комиссия), и оспариваемое постановление не содержат обоснования наличия угрозы или фактического ограничения конкуренции как на рынке реализуемой продукции, так и на смежных товарных рынках.

Антимонопольный орган также не опроверг довод общества о том, что целью совершенного им нарушения являлось получение сверх выручки за счет повышения цены реализуемой продукции, а не ограничение конкуренции на товарном рынке.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции пришел к правильному выводу о недоказанности антимонопольным органом наличия состава административного правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ.

10. Реализация участниками торгов (конкурентами) на основании заключенного между ними соглашения единой стратегии, направленной на достижение выгодного экономического результата за счет устранения конкурентной борьбы, может свидетельствовать о создании картеля применительно к п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции, в связи с чем повлечь административную ответственность, предусмотренную ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ.

Пример 1. Антимонопольным органом было вынесено решение о признании двух обществ и двух

предпринимателей, осуществляющих деятельность на одном товарном рынке, нарушившими п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции в связи с заключением ими устного соглашения о поддержании цен на торгах, реализованного на открытых аукционах в электронной форме.

В отношении общества как участника такого соглашения антимонопольным органом принято постановление о привлечении его к административной ответственности на основании ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ, предусматривающей наказание за заключение хозяйствующим субъектом недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством соглашения, если такое соглашение приводит или может привести к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах.

Не согласившись с вынесенным решением и постановлением, общество обратилось в суд, который отказал в удовлетворении заявленных требований.

В ходе разбирательства суд установил, что хозяйствующие субъекты осуществляли деятельность на одном товарном рынке — оптовой торговли химической продукцией, совместно участвовали в торгах, проводимых в целях обеспечения государственных и муниципальных нужд, предметом которых являлась поставка реагентов, расходных материалов.

При этом были выявлены обстоятельства аффилированности указанных хозяйствующих субъектов, не свидетельствующие в то же время о наличии между ними отношений контроля (чч. 7 и 8 ст. 11 Закона о защите конкуренции) и исключающие возможность применения к ним запретов, установленных ч. 1 ст. 11 Закона: нахождение участников соглашения по одному адресу, подача заявок с одного IP-адреса, существование между ними долгосрочных, доверительных и тесных взаимоотношений, финансовых связей.

На основании указанных обстоятельств суд первой инстанции признал наличие между хозяйствующими субъектами ограничивающего конкуренцию соглашения и оставил в силе принятые антимонопольным органом акты.

Суд апелляционной инстанции, оценивая указанные обстоятельства аффилированности, пришел к выводу, что сами по себе они не свидетельствуют о наличии между организациями ограничивающего конкуренцию соглашения и определяющим в рассматриваемом случае является наличие у организаций установленной единой стратегии, выраженной в отсутствии активности в торгах, когда участниками торгов являются только члены соглашения. Как следовало из материалов дела, в случаях, когда помимо членов соглашения в торгах принимали участие другие организации (конкуренты) с сопоставимыми изначальными условиями и схожим состоянием рынка, активность членов соглашения, количество сделанных ими предложений по ценекратно возрастало. Установление данных обстоятельств, по мнению суда, свидетельствует о направленности действий участников соглашения на обеспечение победы в торгах по максимально возможной начальной цене контракта.

С учетом изложенного суд апелляционной инстанции признал законным решение суда первой инстанции и доказанным наличие в действиях общества состава вменяемого административного правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ.

Суд кассационной инстанции оставил принятые по делу судебные акты в силе.

Пример 2. Постановлением антимонопольного органа руководитель общества признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ, и ему назначено административное наказание в виде административного штрафа (далее также — штраф).

Решением суда указанное постановление оставлено без изменения.

Рассмотрев жалобу защитника на вступившее в законную силу постановление о назначении наказания, вышестоящий суд оставил ее без удовлетворения, указав следующее.

Частью 2 ст. 14.32 КоАП РФ закреплено, что заключение хозяйствующим субъектом недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения, если такое соглашение приводит или может привести к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах, либо заключение недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения между организаторами торгов и (или) заказчиками с участниками этих торгов, если такое соглашение имеет своей целью либо приводит или может привести к ограничению конкуренции и (или) созданию преимущественных условий для каких-либо участников, либо участие в них влечет назначение административного наказания.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции признаются картелем и запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, т.е. между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке, если такие соглашения приводят или могут привести к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах.

Согласно материалам дела решением антимонопольного органа ряд участников торгов признаны нарушившими требования п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции посредством заключения устного картельного соглашения, реализация которого могла привести к поддержанию цены на нескольких аукционах.

Антимонопольным органом установлено, что на официальном сайте Российской Федерации для опубликования информации о размещении заказов администрацией поселения были опубликованы извещения о проведении нескольких аукционов в электронной форме.

Участники торгов поочередно отказывались от дальнейшей конкурентной борьбы друг с другом, что обеспечивало им победу с незначительным снижением начальной (максимальной) цены контрактов. Указанные обстоятельства свидетельствовали об осуществлении единой стратегии, направленной на извлечение выгоды из картеля его участниками.

Проведенный сравнительный анализ участия в торгах участников торгов показал активное снижение ими начальной (максимальной) цены контрактов в борьбе за контракт при их участии в торгах с третьими лицами, тогда как в отсутствие третьих лиц такая борьба между ними отсутствовала, что подтверждало наличие договоренностей между ними по совместному участию в торгах и отказ от конкурентной борьбы друг с другом. Снижение начальной (максимальной) цены контрактов в аукционах, где участники торгов приняли раздельное участие, составило от 14,3% до 47,5%, тогда как в аукционах, где они участвовали совместно и без

третьих лиц, снижение составило от 0,5% до 5% от начальной (максимальной) цены контрактов.

Кроме того, оценивая наличие ограничивающего конкуренцию соглашения, суды также учитывали, что участники торгов совершали юридически значимые действия на рассматриваемых аукционах, такие как подача заявок, подача ценовых предложений и подписание контрактов, совместно используя единые инфраструктуры с одним IP-адресом.

Так, в результате анализа свойств файлов, полученных торговыми площадками от участников торгов, поданных ими в рамках участия в рассматриваемых аукционах с одного и того же IP-адреса, установлено использование идентичных учетных записей, на которых ими создавались и (или) изменялись файлы заявок, а также совпадение даты создания файлов заявок и приложений создания файла заявок.

Использование идентичных учетных записей, на которых были созданы и (или) изменены файлы заявок, поданных участниками торгов для участия в рассматриваемых аукционах, совпадение даты и времени создания и (или) изменения таких файлов заявок, а также разница во времени создания и (или) изменения в течение нескольких минут свидетельствовали о том, что участники координировали свои действия при подготовке файлов заявок, преобразовывали и сохраняли такие файлы на одних и тех же электронно-вычислительных устройствах, а также обменивались файлами заявок.

Кроме того, в результате анализа сведений, представленных кредитной организацией, доказано наличие устойчивых финансовых взаимосвязей между отдельными участниками торгов, а именно договоров процентного займа, что свидетельствовало о доверительных отношениях между ними, а также о взаимном интересе в совместном участии в торгах и заключении контрактов по итогам торгов по максимальной цене.

В соответствии с п. 18 ч. 1 ст. 4 Закона о защите конкуренции соглашение — договоренность в письменной форме, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также договоренность в устной форме.

Согласно п. 7 ч. 1 ст. 4 Закона о защите конкуренции под конкуренцией понимается соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

С учетом изложенного итоги проведенных торгов не были признаны результатом конкурентной борьбы, поскольку явились следствием устных соглашений, не отвечающих принципам конкуренции, что было подтверждено судами.

11. Недостижение запланированной цели картельного соглашения в связи с победой на торгах конкурента участников картеля не свидетельствует об отсутствии антиконкурентного соглашения, запрещенного законом. Действия участника соглашения, направленные на исключение конкуренции при проведении торгов и создающие угрозу наступления таких последствий, образуют состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ.

Общество «А.» обратилось в суд с заявлением об отмене постановления антимонопольного органа о

привлечении его к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ, за заключение антиконкурентного соглашения.

Заявитель ссылался на отсутствие негативных последствий для конкуренции от заключенного соглашения, поскольку победителем был признан иной участник торгов, не являющийся участником антиконкурентного соглашения.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении заявленных требований.

Суды установили, что антимонопольный орган правомерно квалифицировал действия обществ и индивидуального предпринимателя как направленные на реализацию картельного соглашения, поскольку ими реализовывалась единая противоправная стратегия поведения. Общество «А.» и индивидуальный предприниматель, зная, что их заявки (вторые части) будут признаны не соответствующими требованиям документации, допустили существенное снижение цены аукциона и тем самым дезориентировали добросовестных участников аукциона по вопросу целесообразности продолжения участия в аукционе, создали угрозу конкуренции при проведении аукциона, оказали негативное воздействие на поведение добросовестных участников торгов.

Действия названных лиц по подаче демпинговых ценовых предложений и искусственному снижению начальной (максимальной) цены контракта более чем на 90% без намерения заключить контракт были нацелены на создание условий для отказа иных участников аукциона от конкуренции, в то время как третий участник соглашения (общество «Б.») на последних минутах аукциона должен был сделать предложение, незначительно отличающееся от начальной цены контракта, и в итоге победить на торгах с минимальным снижением цены из-за бездействия других участников.

В результате указанных действий добросовестные участники аукциона не делали ценовых предложений, тем самым отказались от агрессивной нерыночной конкурентной борьбы за право заключения контракта, кроме общества «В.», которое в результате было объявлено победителем торгов.

По мнению судов, недостижение участниками картеля запланированной цели в связи с победой конкурента не исключало наличия антиконкурентного соглашения, запрещенного п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции. Заявители хотя и не достигли поставленной цели (не реализовали намерение), но своими действиями создали непосредственную угрозу интересам заказчика, а также законным интересам добросовестных участников торгов.

Фактическое наступление негативных последствий такого соглашения не является необходимым условием установления состава нарушения ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции и состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.32 КоАП РФ, но выступает обстоятельством, отягчающим административную ответственность, обуславливающим применение к нарушителю более строгого административного наказания (п. 2 примечания 3 к ст. 14.31 КоАП РФ) в случаях, если деяние не образует состава уголовного преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ.

Таким образом, суды пришли к выводу, что антимонопольный орган правомерно квалифицировал действия обществ и индивидуального предпри-

нимателя как направленные на заключение картельного соглашения.

Суд кассационной инстанции оставил принятые судебные акты в силе.

12. Искусственное дробление заказчиком единой сделки с целью непроведения конкурентных торговых процедур может являться нарушением законодательства о контрактной системе, но само по себе не свидетельствует о наличии между сторонами антиконкурентного соглашения и состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 7 ст. 14.32 КоАП РФ.

Должностное лицо администрации города (далее — заявитель, должностное лицо) обратилось в суд с заявлением о признании незаконным постановления антимонопольного органа о привлечении его к административной ответственности по ч. 7 ст. 14.32 КоАП РФ за заключение ограничивающего конкуренцию соглашения.

Суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении заявленных требований и признавая законным решение антимонопольного органа, указал, что между заказчиком и обществом (поставщиком) в целях заключения договора поставки без проведения конкурентных торговых процедур реализовано антиконкурентное соглашение, направленное на искусственное дробление единой сделки на поставку компьютерной техники для формального соблюдения ограничений по сумме сделки, предусмотренных п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе.

Такие действия нарушают положения ст. 16 Закона о защите конкуренции, устанавливающие запрет на заключение антиконкурентных соглашений между органом власти и хозяйствующим субъектом, и являются основанием для привлечения заявителя к административной ответственности на основании ч. 7 ст. 14.32 КоАП РФ.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и признал постановление антимонопольного органа незаконным.

С учетом публичного характера антимонопольных запретов и презумпции добросовестности участников гражданского оборота на антимонопольный орган возлагается обязанность установить наличие антиконкурентного соглашения и состав его участников (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2).

Антимонопольным органом установлено, что 18, 20 и 22 декабря 2021 г. администрацией города, руководителем которой являлся заявитель, заключены договоры с обществом на поставку компьютерной техники на суммы 580 000 руб., 37 036 руб. и 21 750 руб., оплата по которым произведена заказчиком 29 декабря 2021 г.

Вместе с тем сама по себе серия заключенных сторонами и не разведенных по времени гражданско-правовых договоров не может свидетельствовать о наличии антиконкурентного соглашения, поскольку общество (поставщик), вступая в указанные отношения, осуществляло предпринимательскую деятельность по поставке необходимого оборудования, не догадываясь о возможных целях заказчика по обходу требований Закона о контрактной системе. Как следует из материалов дела, общество, получая от администрации города новые заказы (договоры от 22 и 23 декабря 2021 г.), полагало, что они обусловлены необходимостью приобретения дополнительного оборудования, количество и комплектацию которого

изначально заказчику было сложно определить. Приобретаемые по новым договорам комплектующие (аксессуары) не влияли на возможность использования покупателем оборудования, приобретенного по первому договору. С учетом изложенного антимонопольный орган не доказал наличие антиконкурентного соглашения между администрацией и обществом.

Указанные действия могут нарушать требования п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе и повлечь наступление ответственности должностного лица на основании ч. 1 ст. 7.29 КоАП РФ¹ за принятие решения о способе определения поставщика (подрядчика, исполнителя), в том числе решения о закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), с нарушением требований, установленных Законом о контрактной системе.

Таким образом, поскольку в действиях заказчика и общества не было выявлено нарушения запретов, предусмотренных ст. 16 Закона о защите конкуренции, постановление антимонопольного органа о привлечении должностного лица к административной ответственности признано незаконным и отменено.

Суд кассационной инстанции оставил постановление суда апелляционной инстанции в силе.

13. Осуществление организацией функций исполнительного органа хозяйствующего субъекта свидетельствует о наличии отношений контроля в значении, установленном ч. 8 ст. 11 Закона о защите конкуренции, и, соответственно, исключает применение к указанным лицам закрепленных этой статьей Закона запретов на заключение соглашений, а также мер административной ответственности за их нарушение.

Общество «А.» обратилось в суд с заявлением о признании недействительными и об отмене решения и постановления антимонопольного органа о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ, за заключение антиконкурентного соглашения. В обоснование требований указывалось, что заключившие соглашение общества «А.» и «Б.» подпадают под критерии группы лиц, предусмотренные ст. 9 Закона о защите конкуренции, и, соответственно, установленные в ст. 11 Закона запреты на заключение ограничивающих конкуренцию соглашений на них не распространяются.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленных требований отказано в связи со следующим.

Соответствие участников соглашения критериям группы лиц, установленным ст. 9 Закона, не освобождает их от обязанности по соблюдению запретов, предусмотренных ст. 11 Закона.

¹С 1 марта 2025 г. указанная статья признана утратившей силу Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 500-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Рассматриваемые в примере противоправные действия должностного лица с учетом нового правового регулирования могут повлечь наступление ответственности в соответствии с ч. 4 ст. 7.30¹ КоАП РФ.

Вместе с тем указанные запреты не распространяются на соглашения между хозяйствующими субъектами, входящими в одну группу лиц, если одним из таких хозяйствующих субъектов в отношении другого хозяйствующего субъекта установлен контроль либо если такие хозяйствующие субъекты находятся под контролем одного лица (ч. 7 ст. 11 Закона).

Под контролем понимается возможность физического или юридического лица прямо или косвенно (через юридическое лицо или через несколько юридических лиц) определять решения, принимаемые другим юридическим лицом, посредством одного или нескольких следующих действий: распоряжение более чем 50% общего количества голосов, принадлежащих на голосующие акции (доли), составляющие уставный (складочный) капитал юридического лица; осуществление функций исполнительного органа юридического лица (ч. 8 ст. 11 Закона).

Заклученный между обществами “А.” и “Б.” договор управления не отвечает указанным требованиям контроля, соответственно, заключенное между ними антиконкурентное соглашение нарушает запрет, установленный ст. 11 Закона, и образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции отметил следующее.

Как пояснил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 30 марта 2023 г. № 12-П, “воля законодателя была направлена на то, чтобы связать исключение из запрета на картельные соглашения только с двумя признаками контроля”, к каковым относится контроль физического или юридического лица в отношении юридического лица посредством распоряжения более чем 50% общего количества голосов, принадлежащих на голосующие акции (доли), составляющие уставный (складочный) капитал юридического лица, либо посредством осуществления функций исполнительного органа юридического лица.

При этом осуществление функций исполнительного органа юридического лица может обеспечиваться разными правовыми средствами и формами. Под осуществлением функций исполнительного органа понимается выступление от имени компании и совершение юридически значимых актов, сделок, выполнение иных полномочий, предусмотренных ст. 40 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ “Об обществах с ограниченной ответственностью”.

Из материалов дела следует, что фактическое осуществление хозяйствующим субъектом функций исполнительного органа другого юридического лица происходило на основании заключенного между ними договора управления. Суд апелляционной инстанции обратил внимание на то, что общество “А.” на основании указанного договора на протяжении всего времени существования общества “Б.” с момента его регистрации фактически осуществляет как управление, так и контроль над ним.

Суд пришел к выводу, что договор управления подпадает под критерий ч. 8 ст. 11 Закона о защите конкуренции — осуществление функций исполнительного органа юридического лица. Таким образом, на участников данного договора в силу указанных исключений не распространяются запреты на заключение соглашений, установленные ст. 11 Закона. Данные обстоятельства исключают применение к заявителю мер административной ответственности, предусмотренных ст. 14.32 КоАП РФ.

14. Неправомерное использование результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации при оказании услуг или совершении иных действий, непосредственно не связанных с введением в оборот контрафактных товаров, является недобросовестной конкуренцией и квалифицируется по ч. 1, а не по ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ.

Общество обратилось в суд с требованием об осуждении постановления антимонопольного органа о привлечении его к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ за недобросовестную конкуренцию, выразившуюся во введении в оборот товара с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, средств индивидуализации продукции, работ, услуг.

Поводом для привлечения общества к административной ответственности послужили действия по оказанию парикмахерских услуг с использованием чужого товарного знака на вывесках студии красоты и при размещении публикаций в социальных сетях.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленных требований, указав следующее.

Частью 1 ст. 14⁶ Закона о защите конкуренции установлено, что не допускается недобросовестная конкуренция путем совершения хозяйствующим субъектом действий (бездействия), способных вызвать смешение с деятельностью хозяйствующего субъекта-конкурента либо с товарами или услугами, вводимыми хозяйствующим субъектом-конкурентом в гражданский оборот на территории Российской Федерации.

Под смешением следует понимать ситуацию, когда потребитель одного товара (товара одного производителя) отождествляет его с другим товаром (товаром другого производителя) либо допускает, несмотря на заметные отличия, возможность производства двух указанных товаров одним лицом. Таким образом, при смешении возникает риск введения потребителя в заблуждение относительно производителя товара.

Частью 2 ст. 14.33 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность лица за такую недобросовестную конкуренцию, выразившуюся во введении в оборот товара с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, средств индивидуализации продукции, работ, услуг.

Общество, оказывая парикмахерские услуги с использованием, в том числе на вывесках студии красоты, чужого товарного знака, осуществляло недобросовестную конкуренцию и на этом основании было обоснованно привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда, руководствуясь следующим.

Поскольку ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ установлена ответственность за недобросовестную конкуренцию, выразившуюся только во введении в оборот товара с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, средств индивидуализации продукции, работ, услуг, а не за любое незаконное использование таких результатов или средств, субъектом административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные указанной ча-

стью ст. 14.33 КоАП РФ, может быть лишь лицо, которое первым ввело в оборот товар с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, средств индивидуализации продукции, работ, услуг. Поэтому в случае неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации при оказании услуг или совершении иных действий, непосредственно не связанных с введением в оборот контрафактных товаров, подлежит применению ч. 1 ст. 14.33 КоАП РФ (п. 17 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. № 11 “О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”, далее — постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. № 11).

Действиями, подлежащими квалификации по ч. 1 ст. 14.33 КоАП РФ, могут быть розничная торговля товарами с использованием чужого товарного знака на фасаде здания магазина, использование в сети “Интернет” чужого товарного знака при оказании услуг по бронированию отелей, при оказании медицинских услуг, использование чужого товарного знака на интернет-сайте бара.

Таким образом, поскольку действия общества по использованию на вывесках студии красоты чужого товарного знака не связаны с введением его в оборот, а направлены на его неправомерное использование в целях недобросовестной конкуренции, привлечение общества к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ не являлось обоснованным. Оспариваемое постановление антимонопольного органа признано незаконным.

15. Односторонний отказ хозяйствующего субъекта, осуществляющего торговую деятельность по продаже продовольственных товаров посредством организации торговой сети, от исполнения договора поставки может свидетельствовать о создании препятствия для доступа на товарный рынок хозяйствующего субъекта, с которым заключен такой договор, и служить основанием для привлечения лица, допустившего указанное нарушение, к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.40 КоАП РФ.

Постановлением антимонопольного органа, оставленным без изменения решением суда, руководитель хозяйствующего субъекта — общества привлечен к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.40 КоАП РФ за создание хозяйствующим субъектом, осуществляющим торговую деятельность по продаже продовольственных товаров посредством организации торговой сети, препятствий для доступа на товарный рынок других хозяйствующих субъектов.

Частью 2 ст. 14.40 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за создание хозяйствующим субъектом, осуществляющим торговую деятельность по продаже продовольственных товаров посредством организации торговой сети, или хозяйствующим субъектом, осуществляющим поставки продовольственных товаров в торговые сети, препятствий для доступа на товарный рынок или выхода из товарного рынка других хозяйствующих субъектов, за исключением случаев, предусмотренных ст. 14.31 КоАП РФ.

Комиссией антимонопольного органа принято решение, в котором указано на нарушение общест-

вом антимонопольного законодательства, выразившееся в прекращении осуществления заказов и отказе от дальнейшего сотрудничества с индивидуальным предпринимателем по договору поставки.

Согласно указанному решению между обществом и индивидуальным предпринимателем заключен договор поставки, в силу которого индивидуальный предприниматель обязуется поставлять, а общество — принимать товар и оплачивать его. Заказы выставляются на основании согласованной сторонами спецификации, которая предусматривает перечень поставляемых товаров, уровень скидки и цены на них с учетом расходов индивидуального предпринимателя на доставку до магазинов (складов) общества.

Реализация поставляемой индивидуальным предпринимателем продукции в рамках данного договора поставки осуществлялась через магазины общества.

До истечения срока действия договора общество в одностороннем порядке перестало осуществлять заказы продукции индивидуального предпринимателя, что было подтверждено его письмом. В то же время общество не инициировало процедуру расторжения договора поставки в соответствии с его условиями.

Комиссия антимонопольного органа пришла к выводу об отсутствии у общества законных оснований для прекращения исполнения обязательств по заключенному договору поставки.

Также антимонопольным органом было принято во внимание, что аналогичные товары заказывались обществом у других поставщиков.

В соответствии с представленными сведениями обществу принадлежат торговые объекты, которые используются под единым коммерческим обозначением, а выручка от реализации товаров за последний календарный год превышала размер, установленный ч. 4¹ ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации”, в связи с чем на общество распространяются антимонопольные правила для хозяйствующих субъектов, осуществляющих торговую деятельность.

В силу п. 2 ч. 1 ст. 13 указанного Федерального закона хозяйствующим субъектам, осуществляющим торговую деятельность по продаже продовольственных товаров посредством организации торговой сети, запрещается создавать препятствия для доступа на товарный рынок или выхода из товарного рынка других хозяйствующих субъектов.

Нарушение руководителем общества установленного запрета правомерно повлекло привлечение его к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.40 КоАП РФ, в связи с чем решением судьи вышестоящего суда обжалуемое постановление антимонопольного органа и решение суда, вынесенное по жалобе на это постановление, оставлены без изменения.

16. При решении вопроса о законности привлечения лица к административной ответственности по ч. 2² ст. 19.5 КоАП РФ необходимо учитывать, что с момента вступления в законную силу решения арбитражного суда, которым отказано в признании недействительным предписания антимонопольного органа, течение срока исполнения такого предписания возобновляется, а не начинается заново.

Постановлением антимонопольного органа, оставленным без изменения решениями судов, должностное лицо общества признано виновным в со-

вершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2² ст. 19.5 КоАП РФ, с назначением административного наказания в виде административного штрафа.

В жалобе, поданной в суд кассационной инстанции, должностное лицо просило отменить состоявшиеся по делу акты, ссылаясь на то, что общество обжаловало предписание антимонопольного органа в арбитражный суд, следовательно, с момента вступления решения арбитражного суда в законную силу течение срока исполнения предписания начинается заново.

Изучив материалы дела об административном правонарушении, доводы жалобы, суд пришел к следующим выводам.

В соответствии с ч. 2² ст. 19.5 КоАП РФ невыполнение в установленный срок законного решения, предписания федерального антимонопольного органа, его территориального органа о прекращении злоупотребления хозяйствующим субъектом доминирующим положением на товарном рынке и совершении предусмотренных антимонопольным законодательством Российской Федерации действий, направленных на обеспечение конкуренции, влечет административное наказание.

Решением антимонопольного органа общество признано нарушившим положения пп. 1, 6 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции путем необоснованного установления приказами общества различных цен (тарифов) на один и тот же товар (каменный уголь), а также установления и поддержания монопольно высокой цены на уголь для прочих потребителей, что влечет ограничение конкуренции и (или) ущемление интересов неопределенного круга оптовых потребителей.

21 января 2021 г. обществу выдано предписание антимонопольного органа об устранении выявленных нарушений со сроком исполнения шестьдесят дней.

Указанные решение и предписание антимонопольного органа получены обществом 25 января 2021 г., однако в установленный срок предписание не выполнено, поскольку было обжаловано обществом в арбитражный суд.

Определением арбитражного суда от 23 марта 2021 г. жалоба общества принята к производству.

Решением арбитражного суда первой инстанции от 19 ноября 2021 г., оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда от 8 августа 2022 г., вступившим в законную силу в тот же день, предписание антимонопольного органа оставлено без изменения, а жалоба общества — без удовлетворения.

Согласно ч. 2 ст. 52 Закона о защите конкуренции в случае принятия заявления об обжаловании предписания антимонопольного органа к производству арбитражного суда исполнение предписания приостанавливается до дня вступления решения арбитражного суда в законную силу, за исключением предписания антимонопольного органа, выданного органу государственной власти или органу местного самоуправления, если иное не предусмотрено судебным актом.

Антимонопольный орган при вынесении постановления исходил из того, что со дня получения обществом предписания (25 января 2021 г.) и до дня принятия арбитражным судом жалобы общества (23 марта 2021 г.) истекло 56 дней, после чего исполнение предписания антимонопольного органа было приостановлено до дня вступления решения арбитра-

жного суда в законную силу (8 августа 2022 г.). Таким образом, срок исполнения предписания истек 12 августа 2022 г.

Поскольку предписание не исполнено к указанному сроку, в отношении должностного лица общества 12 октября 2022 г. был составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2² ст. 19.5 КоАП РФ.

При этом антимонопольный орган и суды правильно исходили из буквального толкования ч. 2 ст. 52 Закона о защите конкуренции, следовательно, с момента вступления в законную силу решения арбитражного суда, которым отказано в признании недействительным предписания антимонопольного органа, течение срока исполнения такого предписания возобновляется, а не начинается заново.

17. Заключение сделки при осуществлении процедуры банкротства организации не освобождает участников такой сделки от обязанности по направлению в антимонопольный орган ходатайства о ее предварительном согласовании в соответствии со ст. 32 Закона о защите конкуренции. Неисполнение указанной обязанности образует объективную сторону состава административного правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ.

Компания обратилась в суд с требованием об отмене постановления антимонопольного органа о привлечении ее к административной ответственности по ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ за несоблюдение обязанности по направлению в антимонопольный орган ходатайства о даче предварительного согласия на осуществление сделки по получению в собственность основных производственных средств и нематериальных активов акционерного общества.

Как следовало из материалов дела, акционерное общество было признано банкротом (далее — общество-банкрот), и в отношении его была введена процедура конкурсного производства. Основные производственные средства общества-банкрота были реализованы посредством торгов в форме открытого аукциона, покупателем выступила компания. По мнению антимонопольного органа, данная сделка с учетом стоимости активов общества-банкрота подлежала обязательному предварительному согласованию с антимонопольным органом.

Компания, обращаясь в суд с указанным требованием, ссылаясь на отсутствие у нее данной обязанности, поскольку имущество приобреталось в соответствии с процедурой, установленной в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), которая не предусматривает необходимости согласовывать заключаемые сделки с антимонопольным органом.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования компании были удовлетворены.

Удовлетворяя заявленные требования, суды пришли к выводу об отсутствии в действиях заявителя нарушения, поскольку обязанность, предусмотренная ст. 28 Закона о защите конкуренции, не распространяется на сделки, заключаемые по результатам торгов, проводимых в соответствии с Законом о банкротстве.

Суд кассационной инстанции отменил оспариваемые судебные акты, указав следующее.

Статьей 28 Закона о защите конкуренции определены сделки с акциями (долями), имуществом

коммерческих организаций, правами в отношении коммерческих организаций, которые могут осуществляться с предварительного согласия антимонопольного органа.

В соответствии с п. 3 ч. 1, ч. 2 ст. 32 Закона о защите конкуренции лица, приобретающие акции (доли), имущество, активы хозяйствующих субъектов, права в отношении хозяйствующих субъектов в результате совершения сделок, предусмотренных ст.ст. 28 и 29 Закона о защите конкуренции, обращаются в антимонопольный орган для получения согласия на осуществление сделок.

При этом ч. 2 ст. 28 Закона о защите конкуренции предусматривает перечень исключений, когда требование о получении предварительного согласия антимонопольного органа на осуществление сделок не применяется. Такими исключениями являются, например, случаи, когда сделки осуществляются лицами, входящими в одну группу лиц по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 9 вышеназванного Закона, либо когда осуществление сделок предусмотрено актами Президента Российской Федерации или актами Правительства РФ.

Данный перечень исключений не содержит указания об освобождении компании от обязанности по предварительному согласованию сделки, заключенной по итогам торгов, проводимых в процедуре, предусмотренной Законом о банкротстве.

Учитывая изложенное, а также те обстоятельства, что на момент подписания договора и передаточного акта компания и общество-банкрот не входили в одну группу лиц, осуществление сделки между указанными лицами не предусматривалось актами Президента Российской Федерации или актами Правительства РФ, компании в соответствии с ч. 1 ст. 32 Закона о защите конкуренции надлежало обратиться в антимонопольный орган с ходатайством о получении в собственность основных производственных средств общества-банкрота. Однако данная обязанность обществом не была исполнена.

Таким образом, компания нарушила требования ст. 28 Закона о защите конкуренции и правомерно была привлечена к административной ответственности на основании ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ.

18. Отраслевое законодательство не содержит положений, обязывающих банки и налоговые органы представлять в антимонопольный орган по его мотивированному требованию документы, содержащие сведения, составляющие банковскую и налоговую тайну, в связи с чем отказ в представлении таких документов указанному органу не образует события административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ.

Пример 1. Постановлением антимонопольного органа банк привлечен к административной ответственности по ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, устанавливающей административное наказание за непредставление или несвоевременное представление в федеральный антимонопольный орган, его территориальный орган сведений (информации), предусмотренных антимонопольным законодательством Российской Федерации, в том числе непредставление сведений (информации) по требованию указанных органов.

Основанием для привлечения к ответственности явился отказ банка в представлении запрашиваемой антимонопольным органом информации.

Не согласившись с принятым постановлением, банк обратился в суд с заявлением о признании его

незаконным, поскольку запрашиваемая информация относится к сведениям, содержащим банковскую тайну.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и суда кассационной инстанции, в удовлетворении заявленных требований было отказано. Суды исходили из того, что Закон о защите конкуренции не содержит ограничений по составу и объему запрашиваемой информации, необходимой для осуществления антимонопольным органом его задач и функций.

Верховный Суд РФ отменил принятые по делу судебные акты и удовлетворил требования банка по следующим основаниям.

Положения ч. 6 ст. 44 Закона о защите конкуренции предоставляют антимонопольному органу право запрашивать у соответствующих организаций (органов, лиц) документы с соблюдением требований, установленных федеральным законодательством о государственной тайне, банковской тайне, коммерческой тайне или об иной охраняемой законом тайне.

В рассматриваемом случае таким федеральным законом, устанавливающим требования к представлению информации, содержащей банковскую тайну, является Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 “О банках и банковской деятельности” (далее — Закон о банках).

Статья 26 названного Федерального закона содержит положения о банковской тайне клиентов кредитной организации, гарантирующие защиту интересов клиентов и корреспондентов кредитной организации, Банка России, организации, осуществляющей функции по обязательному страхованию вкладов, а также определяет перечень лиц, которым могут быть предоставлены сведения, содержащие банковскую тайну. Органы Федеральной антимонопольной службы в данный перечень не включены.

С учетом изложенного ст. 26 Закона о банках ограничивает предоставленные антимонопольному органу полномочия запрашивать документы, содержащие банковскую тайну.

Кроме того, согласно ч. 2 ст. 25 Закона о защите конкуренции Центральный банк Российской Федерации обязан представлять в федеральный антимонопольный орган по письменному запросу этого органа принятые Центральным банком Российской Федерации нормативные акты, а также информацию (за исключением информации, составляющей банковскую тайну), необходимую для проведения федеральным антимонопольным органом анализа состояния конкуренции на рынке услуг, оказываемых поднадзорными Центральному банку Российской Федерации финансовыми организациями, и осуществления контроля за состоянием конкуренции.

Освободив Банк России от обязанности представлять в федеральный антимонопольный орган по письменному запросу этого органа информацию, составляющую банковскую тайну, законодатель не имел в виду иное в отношении банков и других кредитных организаций.

Таким образом, ст. 25 Закона о защите конкуренции во взаимосвязи с положениями ч. 6 ст. 44 данного Федерального закона и ст. 26 Закона о банках не содержит положений, обязывающих банк представлять в антимонопольный орган по его мо-

тивированному требованию документы, составляющие банковскую тайну.

Следовательно, у банка отсутствовала обязанность исполнять запрос антимонопольного органа о предоставлении сведений, в связи с чем в действиях банка отсутствует состав административного правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ.

Пример 2. Суды отменили постановление антимонопольного органа о привлечении налогового органа к административной ответственности по ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ за отказ в предоставлении информации, содержащей налоговую тайну. При этом суды руководствовались положениями Налогового кодекса РФ, который устанавливает требования к предоставлению такой информации.

Согласно п. 1 ст. 102 НК РФ налоговую тайну составляют любые полученные налоговым органом, органами внутренних дел, следственными органами, органом государственного внебюджетного фонда и таможенным органом сведения о налогоплательщике, за исключением сведений, являющихся общедоступными, в том числе ставших таковыми с согласия их обладателя — налогоплательщика.

В силу абз. 2 п. 3 ст. 102 НК РФ доступ к сведениям, составляющим налоговую тайну, имеют должностные лица, определяемые соответственно федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов, федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области внутренних дел, федеральным государственным органом, осуществляющим полномочия в сфере уголовного судопроизводства, федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области таможенного дела.

Таким образом, действующим законодательством антимонопольный орган не отнесен к лицам, уполномоченным на получение сведений, составляющих налоговую тайну.

19. Выполнение юридическим лицом обязанности по представлению запрашиваемой антимонопольным органом информации не предполагает совершения действий по ее истребованию у третьих лиц, обобщению, систематизации и изложению в формах, не предусмотренных действующими нормативными правовыми актами.

Общество обратилось в суд с заявлением о признании незаконным постановления антимонопольного органа о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, за непредставление в полном объеме запрашиваемых названным органом документов и информации.

В обоснование заявленных требований общество ссылалось на то, что в нарушение требований ст. 25 Закона о защите конкуренции антимонопольный орган обязал общество обобщить имеющуюся у него информацию и предоставить в форме аналитической таблицы, позволяющей антимонопольному органу сравнить интересующие его характеристики; другая часть запрошенной информации отсутствовала у общества, поэтому не могла быть представлена.

Суд первой инстанции удовлетворил заявленное требование, указав следующее.

В силу ч. 1 ст. 25 Закона о защите конкуренции перечисленные в ней лица обязаны представлять в

антимонопольный орган по его мотивированному требованию в установленный срок необходимые антимонопольному органу в соответствии с возложенными на него полномочиями документы, объяснения, информацию соответственно в письменной и устной форме, включая акты, договоры, справки, деловую корреспонденцию, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой записи или в форме записи на электронных носителях.

Запрашиваемые документы и информация должны быть относимы и взаимосвязаны с нарушением антимонопольного законодательства, в совершении которого подозревается общество. Непредставление запрашиваемых документов и информации влечет ответственность лица, предусмотренную ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ.

При этом суд отметил, что предусмотренная Законом о защите конкуренции обязанность будет считаться неисполненной в случае, когда антимонопольным органом будет доказано, что запрашиваемая информация у общества имела (должна была иметься), но сознательно не была им предоставлена. Исполнение запроса антимонопольного органа не предполагает обязанности общества по истребованию необходимой информации у третьих лиц, а также ее систематизации и направлению в запрашиваемой органом форме.

Как следовало из материалов дела, исполнение запроса антимонопольного органа предполагало необходимость обобщения информации и направления в форме аналитической таблицы, позволяющей антимонопольному органу сравнить интересующие его характеристики.

Некоторые из запрошенных документов отсутствовали у общества, и антимонопольный орган не доказал, что они были (должны были быть) у общества с учетом осуществляемой им хозяйственной деятельности.

Суд пришел к выводу, что обществом были приняты все необходимые (разумные) меры по исполнению требований антимонопольного органа, общество взаимодействовало с ним в целях полного и своевременного предоставления сведений, документов, однако по объективным причинам не все из них могли быть предоставлены.

Учитывая, что антимонопольный орган не доказал факт неисполнения обществом требований Закона о защите конкуренции, в действиях общества отсутствует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ.

Суды апелляционной и кассационной инстанций оставили решение суда в силе.

Производство по делам об административных правонарушениях

20. Признание недействительным послужившего поводом к возбуждению дела об административном правонарушении решения комиссии антимонопольного органа, которым установлен факт нарушения антимонопольного законодательства Российской Федерации, является основанием для прекращения производства по указанному делу.

Директор общества (далее — должностное лицо) обратился в суд с заявлением о признании незаконным постановления антимонопольного органа о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ за заключение с перевозчиками-конкурентами антиконкурентного согла-

шения, направленного на повышение стоимости проезда пассажиров.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, заявленные требования должностного лица удовлетворены.

Согласно ч. 1² ст. 28.1 КоАП РФ поводом к возбуждению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 14.9, 14.31, 14.32, 14.33, 14.40 КоАП РФ, является принятие комиссией антимонопольного органа решения, которым установлен факт нарушения антимонопольного законодательства Российской Федерации.

Частью 6 ст. 4.5 КоАП РФ определено, что срок давности привлечения к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные ст.ст. 14.9, 14.9¹, 14.31, 14.32, 14.33, 14.40 КоАП РФ, начинается исчисляться со дня вступления в силу решения комиссии антимонопольного органа, установившего факт нарушения антимонопольного законодательства Российской Федерации.

Как следует из материалов дела, решение комиссии антимонопольного органа, являющееся поводом для возбуждения дела об административном правонарушении, было признано судом недействительным в связи с недоказанностью нарушения обществом запретов, предусмотренных Законом о защите конкуренции.

При оценке решения комиссии антимонопольного органа суд отметил, что позиция, указывающая на синхронные, единообразные и не обусловленные объективными экономическими факторами действия хозяйствующих субъектов, заключивших антиконкурентное соглашение, не нашла своего подтверждения. При этом были представлены доказательства, подтверждающие необходимость и экономическую обоснованность повышения в рассматриваемый период стоимости проезда на маршрутах по нерегулируемым тарифам.

Таким образом, с учетом приведенных положений Кодекса РФ об административных правонарушениях и признания незаконным решения комиссии антимонопольного органа, установившего факт нарушения обществом антимонопольного законодательства Российской Федерации, привлечение должностного лица к административной ответственности являлось неправомерным. Производство по делу об административном правонарушении прекращено в связи с отсутствием состава административного правонарушения на основании ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

21. При привлечении лица к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства решение комиссии антимонопольного органа, являющееся поводом к возбуждению дела об административном правонарушении, не имеет заранее установленной силы и подлежит оценке в числе других доказательств по делу.

Постановлением антимонопольного органа руководитель федерального государственного казенного учреждения (далее — учреждение) признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.9 КоАП РФ, в связи с тем, что он допустил нарушение ч. 1 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции, выразившееся в заключении договора аренды недвижимого имущества, закрепленного за арендодателем на праве оперативного управления, без прове-

дения торгов, что привело к ограничению конкуренции.

Не согласившись с вынесенным постановлением, руководитель учреждения обратился в суд с жалобой, в которой просил постановление отменить, в том числе по причине того, что при рассмотрении дела об административном правонарушении не исследовались материалы и фактические обстоятельства дела, установленные в решении по делу о нарушении антимонопольного законодательства.

Частью 1 ст. 14.9 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за действия (бездействие) должностных лиц федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных осуществляющих функции указанных лиц органов или организаций, государственных внебюджетных фондов, а также организаций, участвующих в предоставлении государственных или муниципальных услуг, которые недопустимы в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации и приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, а равно к ограничению свободного перемещения товаров (работ, услуг), свободы экономической деятельности, за исключением случаев, предусмотренных ч. 7 ст. 14.32 КоАП РФ.

В материалах дела об административном правонарушении содержится решение комиссии антимонопольного органа по делу о нарушении антимонопольного законодательства, в котором вина руководителя учреждения обосновывается ссылкой на ряд материалов (переписка, договор аренды, устав учреждения). Однако данные документы в материалах дела отсутствуют.

Судом при рассмотрении жалобы на постановление по делу об административном правонарушении отмечено, что изложенные в решении комиссии антимонопольного органа по делу о нарушении антимонопольного законодательства сведения о наличии в действиях учреждения нарушения требований законодательства о защите конкуренции требуют оценки при рассмотрении дела об административном правонарушении, в том числе путем исследования документов, на основании которых оно было вынесено. Решение комиссии антимонопольного органа по делу о нарушении антимонопольного законодательства не имеет преюдициального значения для производства по делу об административном правонарушении и подлежит оценке в числе других доказательств.

Судом указано, что при рассмотрении дела не было обеспечено всестороннее и полное исследование всех обстоятельств, подлежащих установлению. Выводы, содержащиеся в оспариваемом постановлении, не основаны на имеющихся в деле документах. Сведения о том, что при рассмотрении дела исследовались какие-либо иные документы, отсутствуют.

Следовательно, при рассмотрении дела не было обеспечено выполнение требований ст.ст. 24.1, 26.1, 26.2, 26.11, 29.10 КоАП РФ о полноте и всесторонности исследования обстоятельств дела, учете доказательств, мотивированности постановления.

При таких обстоятельствах оспариваемое постановление не могло быть признано законным и обоснованным, в связи с чем было отменено.

22. Дела об оспаривании постановлений антимонопольных органов о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ, не являются делами о защите интеллектуальных прав и не подлежат рассмотрению Судом по интеллектуальным правам в качестве суда кассационной инстанции, если совершенные действия не связаны с приобретением и (или) использованием результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

Общество обратилось в суд с требованием об отмене постановления антимонопольного органа о привлечении его к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.33 КоАП РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, обществу отказано в удовлетворении заявленных требований.

Суд установил, что общество совершило действия, направленные на имитацию названий товара конкурента путем использования сходных, не охраняемых по правилам части четвертой Гражданского кодекса РФ обозначений, и, следовательно, нарушило запрет, предусмотренный п. 2 ст. 14⁶ Закона о защите конкуренции.

Суд по интеллектуальным правам в качестве суда кассационной инстанции вынес определение о передаче дела в арбитражный суд округа в связи с неподсудностью ему данного спора, указав следующее.

В соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 274 АПК РФ Суд по интеллектуальным правам в качестве суда кассационной инстанции рассматривает дела о защите интеллектуальных прав, рассмотренные арбитражными судами субъектов Российской Федерации в качестве суда первой инстанции, арбитражными апелляционными судами.

Как следует из разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 2012 г. № 60 “О некоторых вопросах, возникших в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам”, Судом по интеллектуальным правам в качестве суда кассационной инстанции подлежат рассмотрению в том числе:

дела о привлечении к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 (в части недобросовестной конкуренции, связанной с приобретением и использованием исключительного права на средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг) и ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ, независимо от субъектного состава (абз. 4 ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ);

дела об оспаривании постановлений административных органов о привлечении к административной ответственности за нарушения, предусмотренные ч. 1 (в части недобросовестной конкуренции, связанной с приобретением и использованием исключительного права на средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг) и ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ, если они совершены юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями (ч. 3 ст. 30.1 КоАП РФ);

дела об обжаловании решений и (или) предписаний антимонопольного органа по делам о нарушениях, предусмотренных п. 4 ч. 1 ст. 14 Закона о

защите конкуренции, независимо от субъектного состава (ч. 1 ст. 52 Закона).

Таким образом, компетенция Суда по интеллектуальным правам в качестве суда кассационной инстанции ограничена теми делами об административных правонарушениях, в которых допущенные нарушения связаны с предоставлением и (или) с использованием результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, т.е. делами о защите интеллектуальных прав (ст.ст. 14⁴, 14⁵, п. 1 ст. 14⁶, ст. 14⁸ (в части, касающейся интеллектуальных прав) Закона о защите конкуренции).

С учетом изложенного дела об оспаривании постановлений антимонопольных органов о привлечении к административной ответственности, вынесенных на основании нормы п. 2 ст. 14⁶ Закона о защите конкуренции (копирование или имитация внешнего вида товара, вводимого в гражданский оборот хозяйствующим субъектом-конкурентом, упаковки такого товара, его этикетки, наименования, цветовой гаммы, фирменного стиля в целом (в совокупности фирменной одежды, оформления торгового зала, витрины) или иных элементов, индивидуализирующих хозяйствующего субъекта-конкурента и (или) его товар), не являются делами о защите интеллектуальных прав. Поэтому кассационные жалобы по таким делам не подлежат рассмотрению Судом по интеллектуальным правам.

Исчисление срока давности привлечения лиц к административной ответственности

23. Течение срока давности привлечения лица к административной ответственности, предусмотренной ст.ст. 14.9, 14.9¹, 14.31, 14.32, 14.33, 14.40 КоАП РФ, начинается со дня изготовления решения комиссии антимонопольного органа в полном объеме, который является датой вступления решения в законную силу. Факт обжалования такого решения не является основанием для изменения дня начала течения срока давности привлечения к административной ответственности.

Постановлением антимонопольного органа, оставленным без изменения решениями судов, начальник муниципального казенного учреждения (далее — должностное лицо) признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.9 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

В жалобе, поданной в суд кассационной инстанции, должностное лицо просило отменить судебные акты, принятые по делу об административном правонарушении, указывая на пропуск срока давности привлечения его к административной ответственности, а также на то, что на момент вынесения антимонопольным органом постановления о назначении административного наказания в арбитражном суде находилось требование об отмене решения комиссии антимонопольного органа, являющегося поводом для возбуждения дела об административном правонарушении.

Суд кассационной инстанции отказал в удовлетворении заявленных требований, указав следующее.

В силу ч. 1² ст. 28.1 КоАП РФ поводом к возбуждению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 14.9, 14.31, 14.32, 14.33, 14.40 КоАП РФ, является вступление в силу

решения комиссии антимонопольного органа, которым установлен факт нарушения антимонопольного законодательства Российской Федерации.

В соответствии с ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении за нарушение антимонопольного законодательства Российской Федерации не может быть вынесено по истечении одного года со дня совершения административного правонарушения.

Согласно ч. 6 ст. 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные ст.ст. 14.9, 14.9¹, 14.31, 14.32, 14.33, 14.40 КоАП РФ, начинается исчисляться со дня вступления в силу решения комиссии антимонопольного органа, которым установлен факт нарушения антимонопольного законодательства Российской Федерации.

Статья 49 Закона о защите конкуренции не устанавливает, что датой вступления в силу решения комиссии антимонопольного органа является иная дата, нежели дата принятия этого решения (дата его изготовления в полном объеме).

Решением комиссии антимонопольного органа от 8 мая 2023 г., изготовленным в полном объеме в этот же день, установлен факт нарушения муниципальным казенным учреждением требований чч. 1 и 2 ст. 17 Закона о защите конкуренции.

С этого же дня на основании ч. 6 ст. 4.5 КоАП РФ исчисляется срок давности привлечения к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные названными в ней статьями КоАП РФ.

При изложенных обстоятельствах годичный срок давности привлечения к административной ответственности должностного лица начал исчисляться с 8 мая 2023 г. и не истек на момент вынесения постановления антимонопольного органа — 14 марта 2024 г.

При этом в случае оспаривания решения комиссии антимонопольного органа в арбитражном суде действие указанного акта не приостанавливается. Соответствующее последствие предусмотрено ст. 52 Закона о защите конкуренции только в отношении предписания антимонопольного органа.

Таким образом, необходимо исходить из того, что антимонопольный орган со дня изготовления своего решения в полном объеме вправе возбудить дело об административном правонарушении независимо от того, обжаловано ли соответствующее решение в судебном порядке.

24. При пересмотре комиссией антимонопольного органа в связи с новыми и (или) вновь открывшимися обстоятельствами ранее принятого решения течение срока давности привлечения к административной ответственности за соответствующее правонарушение начинается с момента вступления в законную силу нового решения комиссии антимонопольного органа.

Решением антимонопольного органа общество признано нарушившим п. 1 ст. 14⁶ Закона о защите конкуренции в связи с незаконным использованием в своем наименовании и доменном имени товарных знаков, принадлежащих другому лицу.

Общество обратилось в антимонопольный орган с заявлением о пересмотре принятого решения по новым и (или) вновь открывшимся обстоятельствам.

Антимонопольным органом удовлетворено заявление общества. По результатам пересмотра решения комиссией антимонопольного органа принято новое решение, которым были подтверждены ранее установленные нарушения Закона о защите конкуренции.

На основании выявленных нарушений антимонопольный орган принял постановление о привлечении общества к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ.

Не согласившись с указанным постановлением, общество оспорило его в суде.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали обществу в удовлетворении заявленного требования.

Суд кассационной инстанции отменил принятые судебные акты и удовлетворил заявленные требования в связи с истечением срока давности привлечения общества к административной ответственности.

Со ссылкой на ч. 6 ст. 4.5 КоАП РФ суд указал, что срок давности привлечения к административной ответственности за административное правонарушение в рассматриваемом случае необходимо исчислять с даты вступления в силу решения комиссии антимонопольного органа, которым впервые был установлен факт нарушения антимонопольного законодательства (т.е. до пересмотра по новым и (или) вновь открывшимся обстоятельствам).

Верховный Суд РФ, отменяя постановление суда кассационной инстанции и оставляя в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, указал следующее.

Согласно ч. 1² ст. 28.1 КоАП РФ поводом к возбуждению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 14.9, 14.31, 14.32, 14.33, 14.40 КоАП РФ, является принятие комиссией антимонопольного органа решения, которым установлен факт нарушения антимонопольного законодательства Российской Федерации.

Следовательно, возбуждение дел об административных правонарушениях за нарушение антимонопольного законодательства, ответственность за которые предусмотрена вышеуказанными статьями Кодекса РФ об административных правонарушениях, возможно лишь после установления комиссией антимонопольного органа факта совершения соответствующего нарушения антимонопольного законодательства.

При этом установление данного факта в ходе производства по делу о нарушении антимонопольного законодательства требует его надлежащего подтверждения и оформления.

Частью 1 ст. 51² Закона о защите конкуренции предусмотрено, что решение и (или) выданное на его основании предписание по делу о нарушении антимонопольного законодательства могут быть пересмотрены по новым и (или) вновь открывшимся обстоятельствам комиссией, принявшей такое решение и (или) выдавшей такое предписание, по заявлению лица, участвующего в деле, а также в случае установления комиссией преду-

смотренных этой статьей оснований для пересмотра решения и (или) предписания.

Назначение института пересмотра решения антимонопольного органа по новым и (или) вновь открывшимся обстоятельствам состоит в обеспечении обоснованности принимаемых антимонопольным органом решений по делам о нарушении антимонопольного законодательства с точки зрения учета всех фактических обстоятельств, которые должны быть установлены в ходе рассмотрения такого дела, и в предоставлении дополнительной гарантии соблюдения прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

Установление антимонопольным органом по заявлению лица, участвующего в деле, обстоятельств, влекущих необходимость пересмотра ранее принятого им решения, свидетельствует о том, что такое решение было принято в условиях отсутствия полной и всесторонней оценки обстоятельств и не может порождать каких-либо юридических последствий. В том числе оно не может являться основанием для возбуждения дела об административном правонарушении, поскольку не может свидетельствовать о наличии или об отсутствии состава административного правонарушения, а возбужденное на основании такого решения дело об административном правонарушении подлежит прекращению.

При этом если в результате пересмотра решения комиссия антимонопольного органа придет к выводу о наличии нарушения антимонопольного законодательства, то уже вновь принятое решение будет являться основанием для возбуждения дела об административном правонарушении.

Следовательно, при рассмотрении дела суды первой и апелляционной инстанций правомерно исходили из того, что факт совершения обществом нарушения антимонопольного законодательства надлежащим образом установлен решением, принятым в результате пересмотра дела.

Частью 6 ст. 4.5 КоАП РФ установлено правило исчисления срока давности привлечения к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные ст.ст. 14.9, 14.9¹, 14.31, 14.32, 14.33, 14.40 КоАП РФ: он начинается исчисляться со дня вступления в силу решения комиссии антимонопольного органа, которым установлен факт нарушения антимонопольного законодательства Российской Федерации, и составляет один год.

При этом временные пределы для административного преследования, установленные ст. 41¹ Закона о защите конкуренции, антимонопольным органом соблюдены.

При таких обстоятельствах оспариваемое постановление вынесено в пределах срока давности привлечения общества к административной ответственности.

25. Нарушение срока технологического присоединения к электрическим сетям, ответственность за которое предусмотрена соответствующей частью ст. 9.21 КоАП РФ, не является длящимся административным правонарушением.

Гражданин обратился в суд с жалобой на определение антимонопольного органа, которым в отношении организации отказано в возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 9.21 КоАП РФ, в связи с ис-

течением срока давности привлечения к административной ответственности.

Решениями судов указанное определение оставлено без изменения, жалоба заявителя — без удовлетворения.

Как было установлено судом, 26 июня 2020 г. гражданин обратился с заявлением в антимонопольный орган в связи с бездействием организации, выразившемся в неисполнении мероприятий по технологическому присоединению объекта в срок, указанный в заключенном 4 августа 2017 г. между организацией и гражданином договоре об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям.

Договором в соответствии с п. 16 Правил предусмотрен срок выполнения мероприятий по технологическому присоединению — один год со дня заключения договора, т.е. до 4 августа 2018 г.

Определением, вынесенным антимонопольным органом 22 июля 2020 г., заявителю отказано в возбуждении дела об административном правонарушении в связи с истечением срока давности привлечения организации к административной ответственности.

Обжалуя данное определение, гражданин исходил из того, что нарушение организацией условий договора является длящимся правонарушением.

В силу ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 9.21 названного Кодекса, устанавливающей ответственность за нарушение антимонопольного законодательства, не может быть вынесено по истечении одного года со дня совершения административного правонарушения.

Как разъяснено в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 “О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”, невыполнение предусмотренной правовыми актами обязанности к установленному сроку свидетельствует о том, что административное правонарушение не является длящимся. Срок давности привлечения к административной ответственности за правонарушение, в отношении которого предусмотрена правовым актом обязанность не была выполнена к определенному сроку, начинается течь с момента наступления указанного срока.

Обязанность по технологическому присоединению к электрическим сетям объекта должна была быть исполнена в течение срока, установленного нормативным правовым актом, т.е. до 4 августа 2018 г., и, следовательно, совершенное правонарушение не является длящимся.

С учетом изложенного суды пришли к выводу о том, что годичный срок давности привлечения организации к административной ответственности по ч. 1 ст. 9.21 КоАП РФ на момент обращения гражданина с заявлением в антимонопольный орган истек.

26. При определении срока давности привлечения лица к административной ответственности, предусмотренной ч. 2² ст. 19.5 и ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, следует учитывать, что указанными положениями установлена ответственность за нарушение требований антимонопольного законодательства.

Пример 1. Антимонопольный орган признал общество нарушившим п. 1 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции и выдал предписание о необ-

ходимости прекратить нарушение, выразившееся в установлении монопольно высоких цен на услугу рассылки коротких текстовых сообщений. Предписание подлежало исполнению в указанном антимонопольным органом срок.

Поскольку общество его не исполнило, антимонопольный орган принял постановление о назначении административного наказания по ч. 2² ст. 19.5 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за невыполнение в установленный срок законного решения, предписания федерального антимонопольного органа, его территориального органа о прекращении злоупотребления хозяйствующим субъектом доминирующим положением на товарном рынке и совершении предусмотренных антимонопольным законодательством Российской Федерации действий, направленных на обеспечение конкуренции.

Общество обратилось в суд с заявлением о признании незаконным и отмене постановления антимонопольного органа в связи с пропуском срока давности привлечения к административной ответственности.

Суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, удовлетворил заявленное требование и отменил постановление антимонопольного органа, указав, что в рассматриваемом случае обществом допущено нарушение в сфере порядка управления (глава 19 КоАП РФ), срок давности привлечения к административной ответственности за такое правонарушение по общему правилу, предусмотренному ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, составляет 60 дней и этот срок истек на момент вынесения антимонопольным органом оспариваемого акта.

Суд кассационной инстанции отменил принятые по делу судебные акты и признал законным оспариваемое постановление антимонопольного органа, отметив следующее.

Согласно чч. 1 и 2 ст. 51 Закона о защите конкуренции предписание по делу о нарушении антимонопольного законодательства подлежит исполнению в установленный им срок, нарушение данного требования влечет административную ответственность.

В соответствии с ч. 4 ст. 51 Закона о защите конкуренции под неисполнением в срок предписания по делу о нарушении антимонопольного законодательства понимается исполнение предписания частично в указанный этим предписанием срок или уклонение от его исполнения. Неисполнение в срок указанного предписания является нарушением антимонопольного законодательства.

Данная правовая норма была включена в ч. 4 ст. 51 Закона о защите конкуренции Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 164-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» с целью исключения различных подходов к исчислению срока давности привлечения к административной ответственности за неисполнение законных предписаний антимонопольного органа в указанной сфере, что свидетельствует о соответствующей воле законодателя.

Таким образом, невыполнение в установленный срок упомянутого предписания антимонопольного органа в силу прямого указания Закона о защите конкуренции является нарушением антимонопольного законодательства. Продолжительность срока давности привлечения лица к адми-

нистративной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства составляет 1 год (ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ).

Поскольку указанный срок давности на момент привлечения общества к административной ответственности не истек, оспариваемое постановление было признано судом законным.

Пример 2. Антимонопольный орган привлек общество к административной ответственности по ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, предусматривающей наказание за непредставление или несвоевременное представление в федеральный антимонопольный орган сведений (информации), предусмотренных антимонопольным законодательством Российской Федерации, в том числе непредставление сведений (информации) по требованию такого органа, за исключением указанных в норме случаев, а равно представление в федеральный антимонопольный орган заведомо недостоверных сведений (информации).

Общество обратилось в суд с требованием о признании незаконным постановления антимонопольного органа в связи с пропуском общего — шестидесятидневного — срока давности привлечения к административной ответственности.

Суды, отказывая в удовлетворении заявленных требований, указали следующее.

Частью 1 ст. 25 Закона о защите конкуренции закреплена обязанность коммерческих и некоммерческих организаций (их должностных лиц) представлять в антимонопольный орган (его должностным лицам) по его мотивированному требованию в установленный срок необходимые антимонопольному органу в соответствии с возложенными на него полномочиями документы, объяснения.

Из толкования указанных норм следует, что ответственность по ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ наступает при несоблюдении обязанности, установленной ст. 25 Закона о защите конкуренции, т.е. за нарушение антимонопольного законодательства.

Таким образом, невыполнение предусмотренной ст. 25 Закона о защите конкуренции обязанности по представлению в антимонопольный орган (его должностным лицам) соответствующих сведений (информации), а равно представление заведомо недостоверных сведений (информации) является нарушением антимонопольного законодательства, в отношении которого ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ установлен годичный срок давности привлечения к административной ответственности.

Вопросы, связанные с расчетом размера административного штрафа

Особенности расчета и назначения оборотного штрафа

27. Для расчета размера штрафа исходя из суммы выручки правонарушителя необходимо учитывать, что моментом выявления административного правонарушения является дата издания антимонопольным органом приказа о возбуждении дела по признакам нарушения антимонопольного законодательства либо дата принятия комиссией антимонопольного органа определения о выявлении иного нарушения, но не дата принятия решения по итогам рассмотрения такого дела.

На основании обращения потребителя (абонента) о завышении обществом утвержденных тарифов

на водоснабжение и водоотведение антимонопольный орган установил в его действиях нарушение требований п. 10 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции и привлек общество к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ.

Общество обратилось в суд с заявлением о признании постановления антимонопольного органа о привлечении к административной ответственности незаконным в части размера назначенного административного штрафа. По мнению общества, антимонопольный орган ошибочно определил дату выявления нарушения и, следовательно, календарный год, учитываемый для расчета административного штрафа.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленных требований на основании следующего.

В силу ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ размер штрафа, налагаемого на юридическое лицо, злоупотребившее доминирующим положением на товарном рынке, определяется исходя из суммы выручки от реализации соответствующего товара (работы, услуги) либо суммы расходов правонарушителя на приобретение товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение.

При этом расчет суммы штрафа производится от суммы выручки правонарушителя за период, установленный п. 3 ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ: за календарный год, предшествующий году, в котором было выявлено административное правонарушение, либо за предшествующую дате выявления административного правонарушения часть календарного года, в котором было выявлено административное правонарушение, если правонарушитель не осуществлял деятельность по реализации или приобретению товара (работы, услуги) в предшествующем календарном году.

При определении даты выявления административного правонарушения в целях правильного расчета суммы административного штрафа антимонопольным органом учитывалось, что на основании обращения потребителя (абонента) органом была проведена проверка изложенных в нем фактов и по ее результатам 16 ноября 2019 г. был издан приказ о возбуждении дела по признакам нарушения антимонопольного законодательства и создании комиссии по его рассмотрению.

Решением комиссии от 4 апреля 2020 г. антимонопольный орган установил в действиях общества факт нарушения антимонопольного законодательства. Привлекая общество к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ и исчисляя размер административного штрафа, антимонопольный орган исходил из того, что датой выявления административного правонарушения выступает дата вынесения названного решения, являющегося одновременно поводом для возбуждения дела об административном правонарушении (ч. 12 ст. 28.1 КоАП РФ), и, соответственно, базой для расчета суммы штрафа должна служить выручка общества за 2019 год.

Суд апелляционной инстанции, с которым согласился суд кассационной инстанции, отменил решение суда, придя к выводу, что правонарушение было выявлено при проведении антимонопольным органом проверки, завершившейся изданием приказа о возбуждении дела 16 ноября 2019 г., а не в момент принятия комиссией антимонопольного органа решения. Положение ч. 12 ст. 28.1 КоАП РФ ука-

зывает, что решение комиссии антимонопольного органа устанавливает факт нарушения антимонопольного законодательства Российской Федерации, а не его выявление.

Таким образом, поскольку приказ антимонопольного органа о возбуждении дела был издан в 2019 году, то с учетом положений п. 3 ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ базой для расчета штрафа должна служить выручка общества за 2018 год, а не 2019 год.

Одновременно с этим суд отметил, что Закон о защите конкуренции допускает случаи выявления иного состава нарушения в ходе рассмотрения дела (ч. 3 ст. 39¹, п. 1 ч. 1¹ ст. 47 Закона), факт такого выявления фиксируется в принимаемом комиссией антимонопольного органа определении.

В связи с этим в тех случаях, когда лицо привлекается к административной ответственности за нарушение, признаки которого изначально отсутствовали в приказе о возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства и были установлены определением комиссии антимонопольного органа, рассматривающей дело о нарушении антимонопольного законодательства, расчет размера административного штрафа производится от выручки правонарушителя за период, предшествующий году, в котором было вынесено соответствующее определение.

28. При определении величины выручки, необходимой для расчета размера оборотного штрафа, назначаемого за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст.ст. 14.31, 14.31², 14.32, 14.33 КоАП РФ, не подлежат учету расходы правонарушителей, связанные с совершением ими действий, признанных нарушающими антимонопольное законодательство.

Общество обратилось в суд с требованием о признании незаконным и отмене постановления о привлечении к административной ответственности на основании ч. 4 ст. 14.32 КоАП РФ за заключение с исполнительным комитетом муниципального образования недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения о передаче обществу земельных участков в пользование в обход установленного законодательством порядка и об их удержании по истечении срока действия договоров аренды. Реализуя заключенное соглашение, общество понесло ряд расходов, например связанных с межеванием земельных участков.

В обоснование заявленного требования общество указывало на ошибочность в расчете размера назначенного штрафа, поскольку при его исчислении антимонопольным органом была учтена выручка от реализации товаров (работ, услуг) без учета затрат, связанных с межеванием земельных участков, и прочих затрат.

Суды первой и апелляционной инстанций, с выводами которых согласился суд кассационной инстанции, отклонили доводы заявителя о неверном расчете суммы штрафа, указав следующее.

Согласно примечанию 4 к ст. 14.31 КоАП РФ за совершение административного правонарушения, предусмотренного данной статьей либо ст.ст. 14.31², 14.32 или 14.33 КоАП РФ, при отсутствии обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность, административный штраф налагается на юридическое лицо в размере суммы минимального размера административного штрафа, предусмотренного за совершение данного адми-

нистративного правонарушения, и половины разности максимального размера административного штрафа, предусмотренного за совершение данного административного правонарушения, и минимального размера административного штрафа, предусмотренного за совершение данного административного правонарушения. Минимальные и максимальные размеры штрафов рассчитываются от размера суммы выручки компании.

Оценивая довод заявителя, указывающий на то, что при исчислении суммы штрафа антимонопольным органом ошибочно учтена лишь выручка от реализации товаров (работ, услуг) без учета затрат, связанных с межеванием земельных участков, и прочих затрат, суды отметили, что в соответствии с примечанием 1 к ст. 14.31 КоАП РФ для целей применения главы 14 КоАП РФ выручка от реализации товаров (работ, услуг) определяется в соответствии со ст.ст. 248 и 249 НК РФ.

При этом в соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 248 НК РФ к доходам в целях главы 25 этого Кодекса относятся доходы от реализации товаров (работ, услуг) и имущественных прав.

Согласно ст. 249 НК РФ доходом от реализации признается выручка от реализации товаров (работ, услуг) как собственного производства, так и ранее приобретенных, выручка от реализации имущественных прав. В свою очередь, выручка от реализации определяется исходя из всех поступлений, связанных с расчетами за реализованные товары (работы, услуги) или имущественные права, выраженные в денежной (или) натуральной формах.

Таким образом, при расчете суммы оборотного штрафа при привлечении лица к административной ответственности, предусмотренной ст.ст. 14.31, 14.31², 14.32, 14.33 КоАП РФ, не учитываются как расходы нарушителя, связанные с реализацией (исполнением, участием) недопустимого соглашения, ответственность за заключение которого предусмотрена ч. 4 ст. 14.32 КоАП РФ, так и расходы нарушителя, связанные с совершением иного противоправного деяния.

29. При определении суммы выручки правонарушителя от реализации товара, на рынке которого совершено нарушение, в целях расчета размера административного штрафа, предусмотренного санкцией ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ, учитывается выручка от реализации товаров только с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, а не выручка от всех реализованных товаров.

Постановлением антимонопольного органа общество привлечено к ответственности по ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ с назначением наказания в виде административного штрафа за введение в гражданский оборот на территории Российской Федерации лекарственного препарата с нарушением исключительного права на изобретение. При определении суммы штрафа антимонопольный орган учел размер выручки правонарушителя от реализации этого товара.

Не согласившись с размером административного штрафа, общество обратилось в суд с требованием об отмене принятого постановления.

Решением суда первой инстанции постановление антимонопольного органа изменено, размер назначенного административного штрафа снижен до 100 000 руб.

Уменьшая размер административного штрафа до минимального фиксированного предела, предусмотренного ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ, суд исходил из невозможности определения размера штрафа расчетным путем, поскольку антимонопольный орган не установил сумму выручки правонарушителя от реализации товара, на рынке которого совершено нарушение, с незаконным использованием патента, так как было установлено, что только некоторые серии лекарственного препарата изготовлены с использованием чужого изобретения. В отношении других серий препарата нарушений выявлено не было.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда отменено, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суд апелляционной инстанции отметил, что размер штрафа правомерно определен антимонопольным органом исходя из размера выручки от реализации всего препарата. Вывод суда первой инстанции, указывающий, что при расчете штрафа подлежит учету выручка, полученная только от реализации серий препарата с использованием чужого изобретения, является неверным.

Постановлением Суда по интеллектуальным правам постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Суд кассационной инстанции указал, что поскольку диспозицией ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ охватывается недобросовестная конкуренция, выразившаяся во введении в оборот товара с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, средств индивидуализации продукции, работ, услуг, то для целей расчета административного штрафа, предусмотренного санкцией этой нормы, при определении суммы выручки правонарушителя от реализации товара, на рынке которого совершено нарушение, судам следует исходить из того, что по смыслу ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ учитывается только выручка от реализации товара с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, средств индивидуализации продукции, работ, услуг. Данный вывод согласуется с содержанием п. 18 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. № 11.

30. При назначении лицу административного штрафа за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ, под его минимальным размером, указанным в примечании 5 к данной статье вышеназванного Кодекса, следует понимать одну десятую начальной стоимости предмета торгов, а не его нижний фиксированный предел в размере 100 000 руб., назначаемый в случае, когда сумма штрафа при расчете окажется меньше указанного размера.

Решением антимонопольного органа действия общества, выразившиеся в заключении и участии в антиконкурентном соглашении на торгах, признаны нарушением запретов п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции.

На основании указанного решения общество привлечено к административной ответственности в соответствии с ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ с назначением административного штрафа в размере 11 022 680 руб.

Общество обратилось в суд с требованием об отмене принятого постановления о привлечении его к

административной ответственности в части размера назначенного административного штрафа.

По мнению общества, антимонопольному органу на основании примечания 5 к ст. 14.32 КоАП РФ следовало назначить ему минимальный размер административного штрафа, который в соответствии с ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ составляет 100 000 руб.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано с учетом следующего.

В соответствии с ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ заключение юридическим лицом картеля на торгах влечет наложение административного штрафа от одной десятой до одной второй начальной стоимости предмета торгов, но не более одной двадцать пятой совокупного размера суммы выручки правонарушителя от реализации всех товаров (работ, услуг) и не менее 100 000 руб.

Примечанием к названной статье установлены условия освобождения от административной ответственности либо снижения размера административного штрафа.

Как следует из содержания примечания 5 к ст. 14.32 КоАП РФ, за совершение административного правонарушения, предусмотренного чч. 1—4, 6 и 7 данной статьи указанного Кодекса, административный штраф на юридическое лицо налагается в размере суммы минимального размера административного штрафа, предусмотренного за совершение данного административного правонарушения, если такое юридическое лицо добровольно заявило в федеральный антимонопольный орган или его территориальный орган о заключении им недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения либо об осуществлении недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации согласованных действий и в совокупности выполнило ряд предусмотренных рассматриваемым положением условий.

С учетом приведенных норм Кодекса минимальный размер назначаемого обществу административного штрафа (при условии выполнения им требований указанного примечания) является расчетной величиной и составляет одну десятую начальной стоимости предмета торгов, а не определяется исходя из нижнего предела размера штрафа (100 000 руб.), установленного ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ. Указанный минимальный предел санкции в размере 100 000 руб. может быть назначен в случае, когда сумма штрафа при его расчете окажется меньше этого размера.

Таким образом, назначенный обществу штраф в размере 11 022 680 руб., составляющий одну десятую начальной стоимости предмета торгов, суд признал законным и обоснованным.

31. Предписание о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства, выдается только в случае, когда не представляется возможным расчитать административный штраф исходя из суммы выручки правонарушителя от реализации товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение.

Решением антимонопольного органа в действиях общества выявлены нарушения требований п. 1 ст. 14⁶ Закона о защите конкуренции, выразившие-

ся в незаконном использовании обществом при реализации товара обозначения, сходного до степени смешения с иным зарегистрированным и не принадлежащим ему товарным знаком.

На основании данного решения обществу было выдано предписание с указанием на необходимость перечислить в федеральный бюджет доход в сумме 9 437 988 руб., полученный в результате нарушения антимонопольного законодательства.

Общество не согласилось с принятыми актами и обратилось в суд с требованием об их отмене.

Суды признали доказанным наличие в действиях общества нарушений положений Закона о защите конкуренции, но вместе с тем отменили предписание и частично решение антимонопольного органа в связи со следующим.

В силу ч. 3 ст. 51 Закона о защите конкуренции лицо, чьи действия (бездействие) в установленном названным Законом порядке признаны монополистической деятельностью или недобросовестной конкуренцией и являются недопустимыми в соответствии с антимонопольным законодательством, по предписанию антимонопольного органа обязано перечислить в федеральный бюджет доход, полученный от таких действий (бездействия). Лицо, которому выдано предписание о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного от монополистической деятельности или недобросовестной конкуренции, не может быть привлечено к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, в отношении которого выдано и было исполнено данное предписание. Аналогичное положение установлено в примечании 5 к ст. 14.31 КоАП РФ.

Рассматриваемые нормы не определяют последовательность применения указанных мер ответственности.

При этом, как следует из содержания Постановления Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 4-П, административный орган не вправе произвольно определять санкцию за административное правонарушение без четкого определения порядка применения такой санкции в нормативном акте.

Определяя последовательность применения данных мер с учетом их содержания, а также пояснительной записки к Федеральному закону от 5 октября 2015 г. № 275-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции” и отдельные законодательные акты Российской Федерации”, которым была дополнена ч. 3 ст. 51 Закона о защите конкуренции, предписание о перечислении в федеральный бюджет дохода выдается только лицу, которое не может быть привлечено к административной ответственности.

В случаях, когда размер оборотного штрафа подлежит исчислению, предписание о перечислении в федеральный бюджет дохода не выдается, и лицо подлежит привлечению к административной ответственности.

Поскольку в решении антимонопольного органа не приводилось доказательств невозможности расчета административного штрафа с учетом совокупного размера суммы выручки правонарушителей от реализации всех товаров (работ, услуг), возложение на общество обязанности по перечислению в бюджет дохода, полученного от противоправных действий (бездействия), признано незаконным.

**Расчет размера штрафа с учетом
обстоятельств, смягчающих иотягчающих
административную ответственность**

32. При оценке законности назначенного административного наказания за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст.ст. 14.31 и 14.32 КоАП РФ, суд в силу ч. 2 ст. 4.2 КоАП РФ вправе признать в качестве обстоятельств, смягчающих административную ответственность, обстоятельства, не перечисленные в ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ, а также в примечаниях к указанным статьям Особенной части КоАП РФ.

По решению антимонопольного органа несколько юридических лиц признаны нарушившими п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции путем заключения антиконкурентного соглашения, реализация которого привела к поддержанию цен на электронных торгах.

На основании указанного решения антимонопольный орган принял постановления о привлечении указанных лиц к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ, с назначением административного наказания в виде административного штрафа.

Одно из юридических лиц (далее — общество), полагая, что принятое в отношении его постановление является незаконным, оспорило его в суде.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, постановление изменено, размер назначенного административного штрафа снижен на основании следующего.

Как неоднократно указывал в своих постановлениях Конституционный Суд РФ (например, Постановление от 8 ноября 2012 г. № 25-П), судебная власть с ее прерогативой по осуществлению правосудия занимает особое место в системе разделения властей, в связи с чем суды обязаны оценивать, насколько избранная мера ответственности соразмерна последствиям правонарушения, достигается ли ее применением цель наказания и предотвращение нарушения общественных интересов. Соблюдение вытекающих из конституционных принципов равенства, пропорциональности и соразмерности требований призвано обеспечить индивидуализацию наказания лиц, виновных в совершении административных правонарушений, и одновременно не допустить при применении мер административной ответственности избыточного ограничения их имущественных прав и интересов.

Согласно примечанию 3 к ст. 14.32 КоАП РФ при назначении административного наказания за совершение административного правонарушения, предусмотренного указанной статьей, в отношении юридического лица учитываются обстоятельства, смягчающие административную ответственность, предусмотренные данным примечанием и пп. 2—7 ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ.

При этом Кодекс РФ об административных правонарушениях предоставляет судье правомочие по своему усмотрению признать смягчающими обстоятельства, не указанные в данном Кодексе или законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях (ч. 2 ст. 4.2 КоАП РФ).

Как следует из материалов дела, санитарно-эпидемиологические меры, введенные в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции (COVID-2019), повлекли для общества значительные препятствия в осуществлении предпринимательской деятельности в период ограничений, привели к отсутствию заклю-

ченных контрактов на выполнение ремонтных работ и источника финансирования предпринимательской деятельности. С учетом указанных обстоятельств общество было вынуждено взять на себя дополнительные кредитные обязательства для оплаты образовавшейся задолженности перед поставщиками, а также с целью выплаты заработной платы своим работникам.

Суды признали указанные сложившиеся неблагоприятные факторы и поведение общества в условиях их действия в совокупности в качестве обстоятельств, смягчающих его административную ответственность, в связи с чем на основании положений примечания 4 к ст. 14.31 КоАП РФ и примечания 3 к ст. 14.32 КоАП РФ пришли к выводу о возможности уменьшения размера назначенного обществу постановлением антимонопольного органа административного штрафа на одну восьмую разности между максимальным и минимальным размерами административного штрафа, предусмотренными санкцией ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ.

33. Добровольное сообщение лицом о совершенном административном правонарушении может быть признано обстоятельством, смягчающим административную ответственность, при условии, если соответствующие сведения в полном объеме были раскрыты до момента оглашения резолютивной части решения по делу о нарушении антимонопольного законодательства.

В ходе рассмотрения дела об административном правонарушении установлен факт заключения между обществами “А.”, “Б.” и “В.” устного картельного соглашения, которое привело к поддержанию цен на торгах, что является нарушением п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции и влечет административную ответственность, предусмотренную ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ.

С учетом установленных обстоятельств общества — участники соглашения были привлечены к административной ответственности.

Не согласившись с принятым постановлением, общество “А.” оспорило его в судебном порядке, указав, что не были учтены имеющие место обстоятельства, смягчающие административную ответственность, предусмотренные пп. 3 и 4 ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, постановление антимонопольного органа признано законным по следующим основаниям.

В силу ч. 1 ст. 44¹ Закона о защите конкуренции хозяйствующий субъект (группа лиц, определяемая в соответствии с антимонопольным законодательством), заключивший ограничивающее конкуренцию соглашение или осуществивший ограничивающие конкуренцию согласованные действия, в целях смягчения административной ответственности или освобождения от административной ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях за заключение такого соглашения или осуществление таких согласованных действий, вправе подать в антимонопольный орган заявление о заключении такого соглашения или об осуществлении таких действий в порядке, предусмотренном данной статьей, до момента оглашения резолютивной части решения по делу о нарушении антимонопольного законодательства.

Примечание 3 к ст. 14.32 КоАП РФ во взаимосвязи с пп. 3 и 4 ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ к обстоятельству

вам, смягчающим административную ответственность, относит добровольное сообщение лицом, совершившим административное правонарушение, в орган, уполномоченный осуществлять производство по делу об административном правонарушении, о совершенном административном правонарушении и оказание лицом, совершившим административное правонарушение, содействия органу, уполномоченному осуществлять производство по делу об административном правонарушении, в установлении обстоятельств по делу об административном правонарушении.

Как следует из материалов дела, общество “А.” добровольно сообщило в антимонопольный орган о совершенном нарушении до момента оглашения резолютивной части решения по делу о нарушении антимонопольного законодательства, выполнив условие о моменте предоставления такой информации, предусмотренное ч. 1 ст. 44¹ Закона о защите конкуренции и п. 10.3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2008 г. № 30 “О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства”.

Относительно достаточности представленных заявителем сведений и документов для установления состава административного правонарушения в целях применения указанного обстоятельства, смягчающего административную ответственность, суды пришли к выводу о том, что в действующем законодательстве отсутствует такой перечень сведений и документов. Антиконтурные соглашения в ряде случаев могут заключаться между его участниками в устном порядке, и, соответственно, предоставление полной и достоверной информации о его участниках, содержании без ссылки на подтверждающие документы может быть признано достаточным для применения обстоятельства, смягчающего административную ответственность.

Вместе с тем в рассматриваемом случае общество “А.” сообщило не обо всех эпизодах и участниках антиконкурентного сговора, не оказало содействия антимонопольному органу в установлении обстоятельств, подлежащих установлению по делу об административном правонарушении. Напротив, общество “А.” последовательно, в том числе в судебном порядке, оспаривало наличие картельного соглашения между тремя участниками сговора, утверждая, что такое соглашение заключено только между ним и обществом “Б.”.

В данной ситуации суды не усмотрели достаточных оснований для назначения наказания с применением в отношении общества “А.” обстоятельства, смягчающего административную ответственность.

34. Обстоятельство, отягчающее административную ответственность, предусмотренное п. 1 примечания 3 к ст. 14.31 КоАП РФ, не может быть учтено в случае, когда временной интервал исследования товарного рынка меньше периода времени, в рамках которого хозяйствующему субъекту вменяется совершение длящегося административного правонарушения.

Хозяйствующий субъект, привлеченный к административной ответственности на основании ст. 14.31 КоАП РФ за поддержание монопольно высокой цены товара, обратился в суд с заявлением об изменении размера административного штрафа, назначенного антимонопольным органом.

По мнению заявителя, административный орган незаконно назначил наказание с учетом обстоя-

тельства, отягчающего административную ответственность, предусмотренного п. 1 примечания 3 к ст. 14.31 КоАП РФ, поскольку в материалах дела отсутствовали доказательства продолжительности совершенного нарушения более одного года.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленных требований, указав, что при определении размера административного штрафа учитываются обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность (например, примечания 2 и 3 к ст. 14.31 КоАП РФ). К числу обстоятельств, отягчающих административную ответственность, с учетом которых назначается наказание за нарушение антимонопольного законодательства, относится совершение длящегося административного правонарушения, продолжительность которого превышает один год (п. 1 примечания 3 к ст. 14.31 КоАП РФ).

Поскольку антимонопольный орган доказал факт наличия нарушения, выражавшегося в установлении и поддержании хозяйствующим субъектом монопольно высокой цены и длившегося более года (в период с января 2021 г. по апрель 2022 г.), то принятое антимонопольным органом постановление о привлечении указанного субъекта к административной ответственности является законным.

Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил, заявленное требование удовлетворил, снизил размер административного штрафа, исходя из недоказанности совершения правонарушения в указанный период. Условия применения п. 1 примечания 3 к ст. 14.31 КоАП РФ предусматривают, что продолжительность нарушения антимонопольного законодательства, установленного комиссией антимонопольного органа, превышает один год.

При этом период совершенного лицом нарушения должен подтверждаться как обстоятельствами, указывающими на факт совершения противоправных действий, так и наличием у лица на протяжении всего вменяемого периода нарушения доминирующего положения на товарном рынке, т.е. с января 2021 г. по апрель 2022 г.

Для доказывания факта нарушения законодательства о защите конкуренции по общему правилу требуется проведение анализа состояния конкуренции на товарном рынке (п. 3 ч. 2 ст. 23 и ч. 5¹ ст. 45 Закона о защите конкуренции) в соответствии с действующими правилами подзаконного акта, определяющего порядок проведения такого анализа, а именно приказа ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220 (далее также — Приказ № 220).

В рамках проведенного антимонопольным органом исследования, содержащего анализ состояния конкуренции на товарном рынке, были изучены данные исключительно за 2021 календарный год. В свою очередь, анализ состояния конкуренции в процедуре, предусмотренной Приказом № 220, за 2022 год антимонопольным органом не проводился, и, соответственно, доминирующее положение в спорный период доказано не было.

С учетом изложенного и при отсутствии подтверждения длящегося административного правонарушения, продолжительность которого превышает один год, постановление о привлечении общества к административной ответственности было изменено, административный штраф рассчитан без учета обстоятельства, отягчающего административную ответственность, предусмотренного п. 1 примечания 3 к ст. 14.31 КоАП РФ.

**Назначение наказания за нарушение
антимонопольного законодательства
с применением положений
ст.ст. 4.1, 4.1¹, 4.1², 4.4 КоАП РФ**

35. Административное наказание в виде штрафа может быть заменено на предупреждение в соответствии со ст. 4.1¹ КоАП РФ в случае истечения сроков, указанных в ст.ст. 4.6 и 31.9 КоАП РФ, в период течения которых лицо считается подвергнутым административному наказанию за совершение одного или нескольких административных правонарушений.

Пример 1. Общество обратилось в суд с заявлением о признании незаконным и отмене постановления антимонопольного органа о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 9.21 КоАП РФ, за нарушение порядка подключения (технологического присоединения) энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии.

Решением суда первой инстанции оспариваемое постановление отменено, административный штраф заменен на предупреждение с учетом положений ст.ст. 4.1¹, 4.6 КоАП РФ.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, обществу отказано в удовлетворении требований. При этом суды указали, что, поскольку ранее общество уже привлекалось к административной ответственности по ч. 1 ст. 9.21 КоАП РФ, правовые основания для применения положений ст. 4.1¹ КоАП РФ, предусматривающих замену штрафа на предупреждение, отсутствуют.

Верховный Суд РФ отменил постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставил в силе решение суда первой инстанции в связи со следующим.

Согласно ч. 1 ст. 4.1¹ КоАП РФ (в редакции, действовавшей на момент совершения правонарушения) являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и юридическим лицам, а также их работникам за впервые совершенное административное правонарушение, выявленное в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля, в случаях, если назначение административного наказания в виде предупреждения не предусмотрено соответствующей статьей раздела II КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, административное наказание в виде административного штрафа подлежит замене на предупреждение при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 3.4 КоАП РФ, за исключением указанных в норме случаев.

Помимо прочих условий, установленных ст. 4.1¹ КоАП РФ, при наличии которых возникает возможность для замены административного штрафа на предупреждение, основополагающим условием для применения указанной нормы Кодекса является то обстоятельство, что административное правонарушение совершено впервые, т.е. преференция, предусмотренная ст. 4.1¹ КоАП РФ, является исключительной. При этом при рассмотрении вопроса о возможности замены административного штрафа на предупреждение должны учитываться совершенные ранее иные административные правонару-

шения, в том числе не являющиеся однородными по отношению к рассматриваемому правонарушению.

Вместе с тем в соответствии с положениями ч. 1 ст. 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления, за исключением случая, предусмотренного ч. 2 ст. 4.6 КоАП РФ.

Согласно ч. 2 ст. 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание в виде административного штрафа за совершение административного правонарушения и которое уплатило административный штраф до дня вступления в законную силу соответствующего постановления о назначении административного наказания, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу указанного постановления до истечения одного года со дня уплаты административного штрафа.

Таким образом, истечение сроков, указанных в ст. 4.6 КоАП РФ, в период течения которых лицо считается подвергнутым административному наказанию за совершение одного или нескольких административных правонарушений, исключает возможность учета таких административных правонарушений в качестве оснований, препятствующих применению взаимосвязанных положений ч. 2 ст. 3.4 и ст. 4.1¹ КоАП РФ, позволяющих заменить назначенное наказание в виде административного штрафа на предупреждение.

Как установлено судами, первое постановление о привлечении общества к административной ответственности по ч. 1 ст. 9.21 КоАП РФ с назначением наказания в виде административного штрафа было исполнено обществом — штраф уплачен 29 мая 2020 г., следовательно, срок, в период течения которого общество считалось подвергнутым административному наказанию на основании указанного постановления, истек 29 мая 2021 г., при этом вменяемое оспариваемым постановлением правонарушение было совершено обществом 27 февраля 2022 г.

Учитывая, что установленные ст. 4.6 КоАП РФ сроки, в период течения которых общество считалось подвергнутым административному наказанию на основании ранее вынесенного в отношении его постановления о назначении административного наказания, на момент совершения им нового административного правонарушения истекли, общество должно быть признано совершившим административное правонарушение впервые, и в отношении его применительно к оспариваемому постановлению могли быть применены положения ч. 2 ст. 3.4 и ст. 4.1¹ КоАП РФ, предусматривающие правила замены административного штрафа на предупреждение.

Пример 2. Общество обратилось в суд с жалобой на постановление антимонопольного органа о привлечении его к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 9.21 КоАП РФ, в части назначенного административного наказания и непризнания в отношении общества положений ст. 4.1¹ КоАП РФ, позволяющих заменить назначенный административный штраф на предупреждение.

Возражая против заявленных требований, антимонопольный орган указал, что назначенный обществу административный штраф не может быть заменен на предупреждение, поскольку ранее общество уже привлекалось к административной ответственности, при этом постановление о назначении административного наказания не было приведено в исполнение.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, оспариваемое постановление отменено, административный штраф заменен на предупреждение с учетом следующего.

Оценивая возможность замены обществу административного штрафа на предупреждение по правилам ст. 4.1¹ КоАП РФ в ситуации, когда данное лицо ранее привлекалось к административной ответственности, но постановление о назначении административного наказания не было приведено в исполнение, следует учитывать положения ст. 31.9 КоАП РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 31.9 КоАП РФ постановление о назначении административного наказания не подлежит исполнению в случае, если оно не было приведено в исполнение в течение двух лет со дня его вступления в законную силу.

Таким образом, общество с учетом указанных положений КоАП РФ считается подвергнутым административному наказанию в течение одного года (ст. 4.6 КоАП РФ) после истечения двухлетнего срока на исполнение постановления о назначении административного наказания, предусмотренного ч. 1 ст. 31.9 КоАП РФ.

Исходя из материалов дела, двухлетний срок исполнения постановления о назначении административного наказания по другому административному делу истек 17 мая 2021 г., и общество в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ считалось подвергнутым административному наказанию до 17 мая 2022 г.

По состоянию на 27 мая 2022 г. — дату совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 9.21 КоАП РФ, общество не считалось подвергнутым административному наказанию, в связи с чем административное наказание в виде штрафа подлежало замене на предупреждение.

36. При назначении юридическому лицу административного наказания в виде штрафа, рассчитываемого от указанного в санкции соответствующей статьи (части статьи) Кодекса РФ об административных правонарушениях показателя (объема выручки, произведенных расходов, стоимости предмета торгов, др.), положения ч. 2 ст. 4.1² КоАП РФ применяются в том же порядке, что и при назначении административного штрафа в фиксированном размере.

Общество, являющееся субъектом малого предпринимательства, обратилось в суд с заявлением об оспаривании постановления антимонопольного органа о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ, в части размера назначенного административного штрафа в сумме 54 583 720 руб.

По мнению заявителя, антимонопольный орган при назначении административного наказания в виде штрафа не применил положения ч. 2 ст. 4.1² КоАП РФ, предусматривающие возможность уменьшения размера назначенного штрафа.

Суды трех инстанций удовлетворили заявленное требование и в соответствии с ч. 2 ст. 4.1² КоАП РФ

уменьшили наполовину размер административного штрафа, назначенного антимонопольным органом.

Не согласившись с принятыми судебными актами, антимонопольный орган обратился с кассационной жалобой в Верховный Суд РФ, отмечая, что штраф, назначаемый в соответствии с ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ (в ред. Федерального закона от 17 апреля 2017 г. № 74-ФЗ) и примечанием 4 к ст. 14.31 КоАП РФ (в ред. Федерального закона от 5 октября 2015 г. № 275-ФЗ), предполагает его расчет с учетом минимального размера административного штрафа — 271 018 699,57 руб., а также максимального размера административного штрафа — 1 085 093 497,85 руб. При данных обстоятельствах, как полагал антимонопольный орган, положения ч. 2 ст. 4.1² КоАП РФ к рассматриваемому порядку определения размера штрафа не могли быть применены.

Верховный Суд РФ, оставляя в силе принятые по делу судебные акты, указал следующее.

Примечанием 4 к ст. 14.31 КоАП РФ установлено, что за совершение административного правонарушения, предусмотренного данной статьей либо ст.ст. 14.31², 14.32 или 14.33 КоАП РФ, при отсутствии обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность, административный штраф налагается на юридическое лицо в размере суммы минимального размера административного штрафа, предусмотренного за совершение данного административного правонарушения, и половины разности максимального размера административного штрафа, предусмотренного за совершение данного административного правонарушения, и минимального размера административного штрафа, предусмотренного за совершение данного административного правонарушения.

При наличии обстоятельств, смягчающих или отягчающих административную ответственность, за исключением обстоятельств, предусмотренных пп. 5 и 6 ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ, размер административного штрафа, налагаемого на юридическое лицо, подлежит уменьшению или, соответственно, увеличению за каждое такое обстоятельство на одну восьмую разности максимального размера административного штрафа, предусмотренного за совершение данного административного правонарушения, и минимального размера административного штрафа, предусмотренного за совершение данного административного правонарушения.

В соответствии с ч. 2 ст. 4.1² КоАП РФ, введенной Федеральным законом от 26 марта 2022 г. № 70-ФЗ “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях” (далее также — Закон № 70-ФЗ), в случае, если санкцией статьи (части статьи) раздела II Кодекса РФ об административных правонарушениях или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях не предусмотрено назначение административного наказания в виде административного штрафа лицу, осуществляющему предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, административный штраф социально ориентированным некоммерческим организациям, включенным по состоянию на момент совершения административного правонарушения в реестр социально ориентированных некоммерческих организаций — получателей поддержки, а также являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства юридическим лицам, отнесенным к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, включенным по со-

стоянию на момент совершения административного правонарушения в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, назначается в размере от половины минимального размера (минимальной величины) до половины максимального размера (максимальной величины) административного штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи (части статьи) для юридического лица, либо в размере половины размера административного штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи (части статьи) для юридического лица, если такая санкция предусматривает назначение административного штрафа в фиксированном размере.

Использованные в ч. 2 ст. 4.1² КоАП РФ термины “минимальный размер (минимальная величина) административного штрафа”, “максимальный размер (максимальная величина) административного штрафа”, “административный штраф в фиксированном размере” имеют иной смысл, который может быть определен с учетом ст. 3.5 КоАП РФ, в силу в том числе ч. 1 которой административный штраф является денежным взысканием, выражается в рублях, может исчисляться по определенным правилам, и его размер не должен выходить за установленные пределы.

Часть 2 ст. 14.32 и примечание 4 к ст. 14.31 КоАП РФ (в редакциях, действовавших как до вступления в силу Закона № 70-ФЗ, так и позже) используют сходную терминологию — “минимальный размер административного штрафа” и “максимальный размер административного штрафа” — как элемент для итогового расчета величины административного штрафа, но не для того, чтобы указать на пределы усмотрения административного органа (суда) при назначении штрафа.

Таким образом, ч. 2 ст. 4.1² КоАП РФ подлежит применению в отношении общества, не уплатившего на момент вступления в силу Закона № 70-ФЗ административный штраф, в части установленного ею правила о назначении административного штрафа в размере половины размера административного штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи (части статьи) Кодекса РФ об административных правонарушениях для юридического лица, если такая санкция предусматривает назначение административного штрафа в фиксированном размере. При этом под фиксированным размером штрафа должен рассматриваться назначенный обществу оспариваемым постановлением антимонопольного органа размер административного штрафа, определенный расчетным способом по правилам, установленным ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ, с учетом положений примечаний к ст. 14.31 КоАП РФ.

Таким образом, исполнение постановления антимонопольного органа следовало прекратить в части назначенного обществу административного наказания в виде штрафа в размере, превышающем 27 291 860 руб. (половины от определенного расчетным способом размера в сумме 54 583 720 руб.).

37. Положения чч. 1 и 2 ст. 4.1² КоАП РФ предусматривают назначение юридическому лицу штрафа в уменьшенном размере или в размере, как для лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и не позволяют с учетом положений ст. 2.4 КоАП РФ назначить его в размере, установленном для должностного лица.

Общество обратилось в суд с заявлением о признании незаконным постановления о привлечении

его к административной ответственности по ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ за непредставление по требованию антимонопольного органа запрашиваемой информации.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, постановление антимонопольного органа признано не подлежащим исполнению в части административного штрафа в размере, превышающем сумму в 25 000 руб. При уменьшении размера штрафа суды руководствовались положением ч. 2 ст. 4.1² КоАП РФ, допускающим назначение малым предприятиям штрафа в размере от половины минимального размера (минимальной величины) до половины максимального размера (максимальной величины), предусмотренного санкцией соответствующей статьи (части статьи) Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Суд кассационной инстанции изменил решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, признав оспариваемое постановление антимонопольного органа не подлежащим исполнению в части штрафа в размере, превышающем сумму в 10 000 руб.

При этом суд кассационной инстанции руководствовался ч. 1 ст. 4.1² КоАП РФ, которая предусматривает назначение штрафа указанным в законоположении организациям в размере, предусмотренном для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

В свою очередь, поскольку лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, совершившие административные правонарушения, несут административную ответственность как должностные лица (ст. 2.4 КоАП РФ), судом кассационной инстанции обществу назначен штраф по ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ в размере, установленном для должностного лица.

Верховный Суд РФ отменил постановление суда кассационной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции с учетом следующего.

В силу ч. 1 ст. 4.1² КоАП РФ являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства юридическим лицам, отнесенным к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, включенным по состоянию на момент совершения административного правонарушения в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, административный штраф назначается в размере, предусмотренном санкцией соответствующей статьи (части статьи) раздела II Кодекса РФ об административных правонарушениях для лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

Согласно ч. 2 ст. 4.1² КоАП РФ в случае, если санкцией статьи (части статьи) раздела II данного Кодекса или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях не предусмотрено назначение административного наказания в виде административного штрафа лицу, осуществляющему предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, административный штраф является субъектами малого и среднего предпринимательства юридическим лицам, отнесенным к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, включенным по состоянию на момент совершения административного правонарушения в единый реестр субъектов ма-

лого и среднего предпринимательства, назначается в размере от половины минимального размера (минимальной величины) до половины максимального размера (максимальной величины) административного штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи (части статьи) для юридического лица, либо в размере половины размера административного штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи (части статьи) для юридического лица, если такая санкция предусматривает назначение административного штрафа в фиксированном размере.

Размер административного штрафа, назначаемого в соответствии с ч. 2 ст. 4.1² КоАП РФ, не может составлять менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи (части статьи) раздела II Кодекса или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях для должностного лица (ч. 3 ст. 4.1² КоАП РФ).

Таким образом, ч. 1 ст. 4.1² КоАП РФ содержит прямое указание на то, что для упомянутой категории лиц административный штраф назначается в размере, предусмотренном санкцией соответствующей статьи (части статьи) раздела II данного Кодекса или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях для лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и не содержит каких-либо исключений, позволяющих в целях применения предусмотренных ч. 1 ст. 4.1² КоАП РФ правил назначения административного штрафа учитывать примечание к ст. 2.4 КоАП РФ.

Учет минимального размера административного штрафа, предусмотренного для должностного лица, в соответствии с ч. 3 ст. 4.1² КоАП РФ имеет значение лишь в том случае, когда размер штрафа, назначаемого в соответствии с ч. 2 данной статьи, оказывается менее размера минимального размера штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи (части статьи) раздела II данного Кодекса или закона субъекта Российской Федерации для должностного лица. Только в этом случае размер штрафа указанным юридическим лицам может быть назначен в минимальном размере штрафа, предусмотренного для должностного лица.

В рассматриваемом случае размер штрафа, определенный в порядке ч. 2 ст. 4.1² КоАП РФ (25 000 руб.), больше минимального размера штрафа, предусмотренного ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ для должностных лиц (10 000 руб.), поэтому ч. 3 ст. 4.1² КоАП РФ в данном случае также не подлежала применению.

Ввиду отсутствия у суда кассационной инстанции отсутствовали правовые основания для применения предусмотренных ч. 1 ст. 4.1² КоАП РФ правил назначения административного штрафа с учетом примечания к ст. 2.4 КоАП РФ.

38. При назначении наказания в виде административного штрафа допускается уменьшение его размера с последовательным применением положений ст.ст. 4.1² и 4.1 КоАП РФ. Под минимальным размером административного штрафа, подлежащего уменьшению по правилам ст. 4.1 КоАП РФ, следует понимать минимальный размер, установленный в санкции соответствующей статьи данного Кодекса, а не рассчитанный (уменьшенный) с учетом положений ч. 2 ст. 4.1² КоАП РФ.

Антимонопольный орган привлек общество к административной ответственности по ч. 2⁶ ст. 19.5

КоАП РФ за невыполнение в установленный срок его законного предписания.

Поскольку общество являлось субъектом среднего предпринимательства, антимонопольный орган, руководствуясь положением ч. 2 ст. 4.1² КоАП РФ, уменьшил наполовину установленный санкцией ч. 2⁶ ст. 19.5 КоАП РФ диапазон допустимых к назначению сумм штрафа и определил размер штрафа в сумме 150 000 руб.

Общество обратилось в суд с требованием об отмене постановления антимонопольного органа в части размера назначенного административного штрафа и с указанием на необходимость его дополнительного уменьшения по правилам ч. 3² ст. 4.1 КоАП РФ.

Суд первой инстанции оставил в силе постановление антимонопольного органа, указав следующее.

На основании ч. 3² ст. 4.1 КоАП РФ при наличии исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, имущественным и финансовым положением привлекаемого к административной ответственности юридического лица, наказание в виде административного штрафа может быть назначено в размере менее минимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей (частью статьи).

В свою очередь, положениями ст. 4.1² КоАП РФ устанавливаются особенности назначения наказания в виде административного штрафа социально ориентированным некоммерческим организациям и являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства юридическим лицам, отнесенным к малым предприятиям. Указанным лицам административный штраф по общему правилу назначается в размере, предусмотренном санкцией соответствующей статьи (части статьи) для лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

В случае, если санкцией статьи (части статьи) раздела II Кодекса РФ об административных правонарушениях или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях не предусмотрено назначение административного наказания в виде административного штрафа лицу, осуществляющему предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, административный штраф назначается в размере от половины минимального размера (минимальной величины) до половины максимального размера (максимальной величины) административного штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи (части статьи) для юридического лица, либо в размере половины размера административного штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи (части статьи) для юридического лица, если такая санкция предусматривает назначение административного штрафа в фиксированном размере.

Таким образом, нормы ст.ст. 4.1 и 4.1² КоАП РФ содержат схожие по предполагаемому результату правила снижения размера административного штрафа ниже нижнего предела, установленного санкцией соответствующей статьи (части статьи).

При этом новеллы чч. 1, 2 ст. 4.1² КоАП РФ, введенные Законом № 70-ФЗ и устанавливающие особенности назначения административного наказания в виде административного штрафа отдельным категориям субъектов, выступают в качестве специальных норм по отношению к положениям чч. 3², 3³ ст. 4.1 КоАП РФ, закрепляющим общие правила на-

значения административного наказания с учетом характера совершенного административного правонарушения, имущественного и финансового положения привлекаемого к административной ответственности юридического лица. Соответственно, в силу общеправового принципа приоритета специальных норм над общими для целей определения размера подлежащего назначению административного штрафа в данном случае необходимо руководствоваться специальными нормами ст. 4.1² КоАП РФ. Положения чч. 3², 3³ ст. 4.1 КоАП РФ не подлежат применению.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и с учетом положений чч. 3² и 3³ ст. 4.1 КоАП РФ и неудовлетворительного финансового положения общества дополнительно уменьшил сумму назначенного штрафа до 80 000 руб.

По мнению суда, рассматриваемые нормы Кодекса РФ об административных правонарушениях не соотносятся друг с другом как общая и специальная, имеют различные основания для применения, и с учетом особого социально-экономического значения перечисленных в нормах субъектов после определения размера санкции применительно к положениям чч. 1, 2 ст. 4.1² КоАП РФ суд вправе проверить также наличие оснований для применения ч. 3² ст. 4.1 КоАП РФ. При этом размер административного штрафа, назначаемого в рассматриваемом порядке, не может составлять менее половины минимального размера административного штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи (ч. 3³ ст. 4.1 КоАП РФ).

Таким образом, поскольку размер предусмотренного ч. 2⁶ ст. 19.5 КоАП РФ штрафа для юридического лица составляет от 100 000 руб. до 500 000 руб., то указанные минимальный и максимальный пределы санкции в соответствии с ч. 2 ст. 4.1² КоАП РФ подлежат снижению наполовину и составят от 50 000 руб. до 250 000 руб. Размер штрафа определяется в рамках указанного обновленного коридора и с учетом обстоятельств, предусмотренных ч. 3² ст. 4.1 КоАП РФ (исключительные обстоятельства, связанные с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, имущественным и финансовым положением привлекаемого к административной ответственности юридического лица). При этом под минимальным размером административного штрафа, подлежащим уменьшению по правилам ч. 3² ст. 4.1 КоАП РФ, следует понимать минимальный размер, установленный в санкции ч. 2⁶ ст. 19.5 КоАП РФ, а не рассчитанный (уменьшенный) с учетом положений ч. 2 ст. 4.1² КоАП РФ.

Антимонопольный орган, определяя размер административного штрафа, назначил его в пределах указанных обновленных минимальных и максимальных величин (с учетом положений ч. 2 ст. 4.1² КоАП РФ), но не принял во внимание обстоятельства, предусмотренные ч. 3² ст. 4.1 КоАП РФ, которые позволяли уменьшить его размер до 80 000 руб.

39. Положения ч. 1³⁻³ ст. 32.2 КоАП РФ применяются в случаях, когда административные правонарушения выявлены в ходе осуществления любых видов государственного контроля и (или) надзора, не ограниченных рамками применения Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ “О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации”.

Общество, уплатив административный штраф, обратилось в суд с заявлением к антимонопольному органу об отмене определения об отказе в восстановлении срока на его уплату в размере половины суммы наложенного административного штрафа по правилам ч. 1³⁻³ ст. 32.2 КоАП РФ.

В обоснование заявленных требований общество указало, что направленная ему копия постановления о назначении административного штрафа в соответствии с ч. 1 ст. 9.21 КоАП РФ поступила в его адрес после истечения 20 дней со дня вынесения постановления.

Антимонопольный орган пришел к выводу, что поскольку общество привлечено к административной ответственности за совершение правонарушения, выявленного не в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля, а по результатам рассмотрения материалов, содержащих достаточные данные, указывающие на событие административного правонарушения, то оснований для применения положений ч. 1³⁻³ ст. 32.2 КоАП РФ в данном случае не имеется, административный штраф должен был быть уплачен в полном объеме.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, заявленное обществом требование удовлетворено по следующим основаниям.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 290-ФЗ ст. 32.2 КоАП РФ дополнена ч. 1³⁻³, согласно которой при уплате административного штрафа за административное правонарушение, выявленное в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля, лицом, привлеченным к административной ответственности за совершение данного административного правонарушения, либо иным физическим или юридическим лицом не позднее 20 дней со дня вынесения постановления о наложении административного штрафа административный штраф может быть уплачен в размере половины суммы наложенного административного штрафа, за исключением случаев, установленных законом. В случае, если копия постановления о назначении административного штрафа, направленная лицу, привлеченному к административной ответственности, по почте заказным почтовым отправлением, поступила в его адрес после истечения двадцати дней со дня вынесения такого постановления, указанный срок подлежит восстановлению судьей, органом, должностным лицом, вынесшими такое постановление, по ходатайству лица, привлеченного к административной ответственности.

По смыслу указанной статьи данного Кодекса процедура выявления факта совершения правонарушения или способ такого выявления не относится к обстоятельствам, которые учитываются при определении порядка исполнения отдельных видов наказания.

В связи с изложенным в целях применения положений ч. 1³⁻³ ст. 32.2 КоАП РФ понятие “государственный контроль (надзор)” следует рассматривать в широком смысле, не ограничивая его только рамками действия Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ “О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации”.

Таким образом, предоставленное указанными положениями ст. 32.2 КоАП РФ право использова-

ния льготного порядка уплаты административного штрафа распространяется и на случаи исполнения постановлений о назначении административного наказания, вынесенных по делам об административных правонарушениях, возбужденным по результатам осуществления любых видов государственного контроля и (или) надзора.

С учетом подтверждения факта получения обещанием постановления о привлечении его к административной ответственности после истече-

ния 20 дней со дня вынесения постановления ходатайство о восстановлении срока на уплату административного штрафа в размере половины суммы наложенного административного штрафа подлежало удовлетворению, а срок — восстановлению.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
25 апреля 2025 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Асташов С.В.**, **Борисова Е.Е.**, **Глазов Ю.В.**,
Давыдов В.А., **Журавлева Е.М.**, **Иваненко Ю.Г.**, **Крупнов И.В.**, **Момотов В.В.**,
Москаленко Ю.П., **Нефедов О.Н.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**,
Хаменков В.Б., **Хомчик В.В.**, **Шилохвост О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации**

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
http://www.jurizdat.ru

**ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ**

Подписано в печать 31.07.2025. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 6,96. Тираж 6399 экз. Заказ 58-2025.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru
